ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

25-го апреля 1930 г.

ПРАГА

56

25-го квітня 1930 р.

PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

РІК ВИДАННЯ 3-ій

М. Бигинський

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Константин Поляков*: *** Стихи.
2. *Адам Зартынов:* Памяти Тепкина.
3. *Ис. Быкадоров:* Донской казак — Тимофей Разин.
4. *Микола Оверкович:* Весна на чужині.

5. Христос Воскрес, — Воскреснет и Казачество!
6. Инж. *В. Бейсуг:* „Пятилетка“ у нас.
7. Др. *Эренджен Хара-Даван:* Тупики и исходы русской революции.
8. *Шамба Балинов*: Казачье сегодня.
9. *Александр Пивень:* Казаки.
10. Думы и мысли.
11. Иностранцы о СССР.
12. Казачья пресса.
13. Казачья эмиграция.
14. В Казачьих Землях.
15. Разное.

Почтовый ящик.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Станицам и хуторам, всем вольным казакам — читателям и сотрудникам, — всем, поздравившим редакцию с Праздником Светлого Христова Воскресения, от всего казачьего сердца посылаем Воистину Воскресе!

Под Прагою. — Н. Л. — „Бог поругаем не бывает“ получено. Жаль, что поздно. Возможно, что будет напечатано в следующем номере. Привет.

Банат. — Г. А. — Фотографию легионера пришлите. Привет.

Харбин. — П. К. — Хорошо, все будет послано. Привет.

Франция. — Д. С. — Добре. Дякуємо за добре слово.

Польша. — С. Т. — Все сделано. Привет.

Морава. — Е. Т. — Получено. Привет.

Обреновац. — Правлению. — Получено. Привет.

Болгария. — Н. П. — Получено. Привет.

Югославия. — А. П. — Получено. Ответ будет. Привет.

Югославия. — А. Ч. — **Получено. Привет.**

Югославия. — В. К. — **Книга Быкадорова уже** вышла, будет послана. Привет.

Канада. — Е. Б. — Получено. Привет.

Лион. — Правлению архива. — **Будет посланс.** Привет.

Франция. — И. С.-да. — Получено. Спасибо. Всем привет.

Белград. — Б. К. — Все получено. Ответ будет. Привет.

Югославия. — А. Г. — По возможности все будет сделано. Привет.

Франция — С. С. — Комплекты журнала „В. К“ остались в весьма ограниченном количестве. Комплект может быть выслан только за плату. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**
В ПОДЄБРАДАХ: **Ф. М. Штовхань.**

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров. 3.
Н. В. Аниканов. С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
А. Шапошников. Сливен.
Санжа Мукукенов (для калмыков). София, кв. Хаджи-Димитров, ул. Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.
F. G. **Polkovnikov.** Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. П. Чорный — A. Corny. Drvar, Vrbaska Ban.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

ВО ФРАНЦИИ:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.
С. Б. Аршинов (район Лиона). M-eur Archinoff, Maison Bel-air, 22, à Dècines.
С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.
Е. М. Якименко. M-eur Jakimenko, 44, rue Rouelle, Paris (15).
Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
Б. Х. Бембинов (район Нанта). M-eur Bembinoff, Verreries de „Bretagne“ à Verton.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: **П. С. Ковган.** Харбин.

ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО
ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 56 *Прага, пятница 25-го апреля 1930 г.* *№ 56*

Константин Поляков. (*Прага*).

***

На чужбине под гнетом бесправия
Мы проводим печальные дни...
Над станицами нашими зарево,
В наших храмах не светят огни.

Из святых углов сняты иконы,
Ворог их поколол на дрова...
Перед чем будет мать класть поклоны
И шептать молитвы слова?

Не напрасно борьбу мы начали...
Сердце стало, как камень-гранит.
Нас набатом на бой призывали
И теперь в ушах звон тот стоит...

Что теперь там с Землею родною? —
— Степь как будто бы та, да не та! —
— Там солдат в богатырке с звездою
Охраняет насилья лета.

Адам Зартынов. *(Франция).*

ПАМЯТИ ТЕПКИНА.*)

Во дни жестокой брани, когда Зюнгарии потомки
За Волю шли на бой,
Ты с нами, Тепкин, был, всегда спокойный-
И к славе вел нас за собой. [ловкий,

Ты шашку обнажил и клятву дал святую,
От ига защитить Отчизну нам родную.
И клятву ту твою мы сделали своей,
Шли умирать за Правду средь степей.

Потом с тобой мы разделили горе,
Когда сражались там, в Таврических степях...
За нами Черное шумело море,
А перед нами был жестокий враг.

Но враг был многолик, мы потеряли силу,
Оставила победа нас в тот час.
И вместе с ней и ты ушел в могилу,
Навеки ты покинул нас.

Ис. Быкадоров.

Донской казак — Тимофей Разин.

(*Сказы про старобытье казачье*).

(*Окончание*).

Сказ 19.

Как овладели донские молодцы 2-мя кораблями турецкими с товарами многими на них купецкими.

Не один уже денек была на море рать казацкая. На полудень плыла, направляясь к гирлу Керченскому. Ни тучки, ни облачка нету на небе: все развеялись, все растаяли, как в степи о весне покровы снежные. Серебром расплавленным заливаются у моря края безбрежные. Застыла вода — волной не колышется. Убравши паруса, в гребную струги плывут. Скрип да от весел всплеск только и слышется, да от стругов взгрёбы весел бегут. Во всю грудь молодецкую — гребцам дышется.

Не рано то было, а уж близко к полудню, как 2 турских кораблика казакам повстречалися. Сдалека они их заприметили, лишь у края неба синего они показалися. Опустились паруса у кораблей, ровно крылья у птиц раненых: ветра покосного,**) иль погодушки они дожидалися. Ходом быстрым струги казачьи плыли к ним, приближалися. И не один час, а два уже так миновалися, не раз на веслах очередные уже менялися...

Поднялся Епиха Никитич на носу струга атаманского во весь свой рост, заблестел серебром на бунчуге бобылев хвост, поднятый позади походного, и дал атаман знак булавой своей чеканною. Как от выпала утиный выводок, разлетелись струги, врозь рассыпались. Дал и второй знак Епиха Никитич через маячного и

*) Полковник Тепкин — командир первого, национального калмыцкого полка в Донск. армии. Умер в конце лета 1920 г., оплакиваемый всеми калмыками.

**) Покосный — попутный.

погреблись молодцы во всю грудь свою могучую. От хода быстрого вода пенилась, брызги сыпались, волны в стороны разбегалися.

Было уже видать в катаргах и силу ратную: янычар в них было полным-полнехенько, стало видать как и у пушек они завозилися. И на передней катарге из пушки ухнуло, пролетело-прошипело, и за атаманским стругом в воду ядро бухнуло. А за первым и другие вслед посыпались. Разошлись струги в стороны, врозь рассыпались больше прежнего. А на стругах у молодцев „наряду" не было, и чем ответить на приветствие турское не имелося. Оскудело „пороховой казной" Войско Славное, не прислала ее в год тот Москва в Войско Главное: а без зелья в поход пушки брать — дело праздное, равно в воду без насаду рыболовные крюки опускать — дело, ведомо всем, несуразное.

Ход у казачьих стругов быстер был и был увертливый: у кажного на корме и на носу имелось по загребному веслу — корма как и нос была заостренной. Как казачий струг по морю плыл — то у него и на заду перед был.

Гребли казаки не смущаяся, от выпала турского наряду не видя горести, к турским кораблям и катаргам вентерем *) приближаяся, и на пищальный пал с ними сошлись вскорости. И началась с обеих сторон пальба, „пальба сильная", дымом густым ровно облаком и струги и катарги все окутались — а как в рукопашную сошлись, то и перепутались.

В пору ту атаманский струг с турским корабликом вплотную сблизился: крутанул он вдруг и притулился к нему. Вцепились молодцы в бок его баграми, крючьями, как орел в добычу когтями острыми.

С других стругов от дыму и не виделось, как взбирались на корабль донские молодцы. Была на нем стража не малая янычарская; к сечи изготовившись, скрывшись она затаилася. А как на корабль казаки взобралися, закричал турский начальный ага: „аллах-аллалы, аллалла", и в ятаганы янычаре на казаков бросились.

Схватились молодцы в рукопашную с басурманами, сошлись казачьи сабли и мечи**) с турскими ятаганами, прохаживались по басурманским головам и топоры казачьи...

Лязг, булатный звон да раненых стон только и слышится: кто сраженный упал, не встанет уже, не отдышется. Не мало уже басурман на пол свалилося, не мало голов их с плеч скатилося.

Бились молодцы с янычарами, а Епиха Никитич, не сводя очей на сечу поглядывал, у канатов стоял, в круги сложенных. И подскочила к нему детина здоровенная: знаменит он был в Царе-городе своей силою небывалою, славен был и своей хоробростью разудалою. Увидал он казака с булавой в руке, а бунчуг атаманский на струге оставлен был, и взмахнул ятаганом янычар над головою атаманскою, да был отбит удар пагубный казачьей саблею.

И случилась в пору ту злосчастье — беда великая, для казака же в бою наигоршая: как об ятаган атаманская сабля ударилась, в пору ту она и перебилася, и у Епихи Никитича в руке, почитай что, рукоять одна очутилася.

Быть казакам-молодцам без походного, Войску Главному без атамана мудрого, атаманской дочери быть без родителя... Да молодцам на роду так написано: казаку прожить не без счастия, а атаману быть в бою не без помощи.

Подлетел Тимофей Иванович быстрей сокола, скакнул он живей пардуса, и не виделось, не приметилось, атаману лишь послышалось, как свистнула молодца сабля звонкая. И покатилась голова, да не атаманская, с плеч свалилась — басурманская.

Не услыхал Тимоша от походного словечка не единого, в бою гутарить было не во времени, лишь взглянул на него тот благодарственно. Схватил Епиха Никитич ятаган рукою своей атаманскою и на подмогу молодцам в сечу бросился. Да повсюду она почти уже кончалася... Руденела вода от кровушки турских людей с катарг сброшенных.

На исходе всего был час второй, как сеча начиналася, а молодцы дело свое уже кончили, силу ратную басурманскую они прикончили.

Взяли в том бою казаки донские с молодцами „преслоутых" рек 2 корабля с 2-мя катаргами их охранявшими, а третья — вестовая, легкоходная от боя ушла, не сделавши не единого выпала.

Освободили казаки христиан-гребцов из их железных оков, совершали то по завету дедов-прадедов, а басурман всех в море выкинули морской твари, рыбам-чудищам на с'едение. Не более десяточка начальных людей всего оставили, за кого получить большой выкуп чаяли.

Начальным над кораблями был старик, видать роду турского. На голове его, как сена копна, чалма цвету зеленого возвышалася, был он, у лже-пророка Магомета в Мекке-городе, знать, на поклонении. Как лютый зверь, в капкан пойманный, сверкал бельмами он на молодцев.

Был в бою он ранен пистольной пулею, приходилось расстаться ему и с животом своим, занес над головой его Калина-Стоян свою саблю вострую. Да отбил Филя удар тот, зашумев на станишника: „Убивать старика „дуром" вовсе не к чему: Войску выкуп взять за него, будет прибыльней". Не терял Филя и в сечи злой своего ума-разума, и спас тем живот старику-турченину.

Бельдер-татарин *) омыл и обвязал рану ему, напоивши водой свежею: и положили его на корме корабля, на сложенном парусе.

Добыча не малая на кораблях оказалася, за последний пяток лет казакам такая и не доставалася. Было на них товару всякого „москотельного" — свейского, аглицкого, цисарского и венецейского: атласу, киндаков, тафты, шелков, кож сафьяновых и всего иного прочего. Шли товары те в землю Ногайскую и Черкесскую через Кафу из Царя-города. Да сыскались еще на корабле большом кафтаны серебром, златом, шелками шитые, посылал их в дар турский султан ногайским мурзам да черкесским князьям.

Особо ж большой казны денежной не оказалося, и три сотни червонцев не сыскалося.

Отправили перед вечером молодцы катаргу неповрежденную с гребцами полоненниками, нагрузив ее товарами всякими, посылали гостинцы на тихий Дон, а для охраны ее послали 2 струга с молодцами.

Сказ 20.

Как необычное совершилось казачьей песнею.

Собрались, повечеревши, атаманы стружные с есаулами к своему походному на корабль погутарить, побеседовать, как и чему заутра быть посоветовать. И порешили наперед ни о чем не „загадывать", а дожидаться с зарей утренней ветра покосного иль „погодушки" — мудренее де утро вечера. Собрались все в круг песнею потешиться, и запел-заиграл ее Тимофей Иванович...

По городам, деревням бегут улицы с переулочками
Вровень идут и пересекаются.
По полям, по долам дорожки везде расстилаются.
Далеко друг от дружки лежат и соединяются.
А в Родимой земле потекли Тихий Дон и Волга Матушка.

Вытекли врозь, да потом соединяются.
Не белыми рученьками, а речкой Иловлей да Камышинкой
Перволочкой малою друг от дружки всего разделяются.
Не хожалые, не езжалые, ой да, казаков донских то дороженьки.
Донские, волжские, гребенские, яицкие, запорожские на них молодцы собираются,
В стругах своих по ним ой, они направляются

*) Вентерь — рыболовный снаряд. Вентерь — казачий маневр на суше и на море, приводивший к охвату флангов противника и к окружению его.

**) В походе на море и в речных походах у казаков были на вооружении короткие мечи и топоры, иногда и рогатины. 2 меча Степана Разина, хранились в Петербурге в Артилл. музее.

*) Бельдер — лекарь.

С Дона Тихого в Волгу-Матушку теми речушками, переправляются.
В гости к недругам с них да отправляются.
Ой да, на заре утренней было то, братцы, собирались молодцы, на усть Камышинки.
Приставали к бережку, выходили, собирались они да во единый круг:
Погутарить, побеседовать, о делах своих да посоветовать,
А наперед того речи выслушать атаманские,
Атамана свово, казака Ермака да Тимофеича...

Неслась казачья песнь по морю от полноликого месяца блиставшему, золотившемуся, а как она окончилась, то и услыхали молодцы необычное: турский старик, в бою раненый, что лежал на парусе, поет, причитывает про себя по-казачьему:

... „Близко сходятся речкой Иловлей да Камышинкой... не хожалые, не езжалые казаков донских то дороженьки". Расступились молодцы врозь, слушают старика удивляяся. Пропел дед и навзрыд зарыдал, как дите малое; „Милые речушки, на всем белом свете нету краше, милей вас, мои родимые"!

Приподнялся старик, оперся локтем своим, и молвил казакам донским:

— „Ах, вы, братцы мои, атаманы-молодцы! Вы услышьте меня старого, а как быть с того сами о том подумайте. И я, братцы, казачьего роду-племени. По речушкам тем и я плавал-хаживал, казачьи песни и я певал-игрывал. На весь Тихий Дон, на все Войско Великое был я знатным песельником, песня вами „сыгранная" во младости моей мною была складена. Не оскудел, видать, и ныне Тихий Дон знатными песельниками: молодец ваш, что песень „заводил", воистину, краше поет, чем и я певал в своей младости, только песня то малость „переиначена"...

Много лет, братцы, прошло миновалося, много в море воды утекло с Дона Тихого, как полонили меня ногаи-татарове. Эх, три десятка лет будет тому без малого...

В Турской земле я принял иной, Магометов закон... Господь то один у всех, лишь по разному ему люди веруют, покланяются, а выходит так, что людские дела, самые лютые имени Господа, иль во имя его, как раз и совершаются. Да не во времени и не к чему о том сказывать"...

Затих старик, прервав речь свою, будто как минулое ему вспоминалося. Разорвал он свой ворот рукой, чтоб легче, знать, ему дышалося, и стал далее сказывать:

— „Эх, да ежели б знали вы, братцы, ведали, как песня ваша сердце мое разбуравила, очистила его, ровно кору толстую топором сняла с дерева; ночную тьму в душе моей зарей утренней она рассеяла, как густой туман на море буйным ветром она развеяла... На Тихом Дону был я славен своей песнею, а у турских людей стал я знатен прозорливостью: дал Господь мне силу наперед видать и ведать многое"...

И глядя очами в небеса, как будто видя иль читая там, стал сказывать старик донским молодцам:

— „Не страшно, братцы, Дону Тихому ратоборство его недругов, устоит против него Войско Великое в годы присные и в века будущие. Разобьются о казаков донских не единожды силы вражьи, как в бурю грозную корабли об утесы каменные разбиваются. Доведется казакам от иного испить чашу горькую. Не единова у казаков разум помутится, совесть казачья затуманится, не единова на Тихом Дону кровь казачья прольется рукою братскою, будут и у казаков брани междоусобные.

Не будут в пору ту разуметь друг-друга братья родные, хоть и на одном языке будут речи сказывать. Почитать будут тум-изменщиков Дону Тихому, поставят их собою властвовать, а кто Войску славному ратоборствует, будут злокозни тем и от злой мачехи и от своих перевертней; почитать будут их, как станут они уж упокойничками... Позабудется, что надлежит особо памятовать — ежели разбушевалась, разыгралася погодушка, греби-пригребай к своему берегу: на своем лишь бережку спасешь и живот свой и свою волюшку, а пригребешься к чужому берегу, хоть и спасешь, может, живот, да потеряешь казачью свободушку, да и „жисть" то будет каторжная, жисть темничная... Услышьте, братцы, мою заповедь; на Тихий Дон прибывши братии ее поведайте, детям, внукам своим заповедайте: пока будут казаки петь-играть песни дедовские, пока на Тихом Дону они будут слышаться — будет жить Казачество, будет здравствовать, не одолеют его силы вражьи басурманские, не одолеют его и христианские, хоть и придется претерпеть ему, ох, и великие беды, горести... Песнь казакам дана от Господа: на радость ему; в горе, в беде на утешение. Умиротворяет она сердце казачье от всякой лютости, соединяет казаков в любовь единую к Дону-Батюшке, соединит она, прийдет пора, и в любовь к единой родимой матери. А для памяти наших дедов-прадедов казачьей песней лучшее им чувствование, ровно панихида она им заупокойная".

Промолвил дед и на грудь склонил свою голову, сорвал чалму рукой и сотворил крестное знамение.
Дали молодцы старику из корчика воды испить. Отдышался он и далее повел речь свою.

— „Беды те и те напасти, чашу горькую испить заповедано — не нам и не нашим деточкам, а в века будущие тем, кому будем мы уже пращурами. Над вами, други-молодцы, иная гроза собирается. Не ведаете вы, братцы, что недругами над вами замышляется. Послужу я Дону-Батюшке, сослужу я Войску Донскому всему Великому службицу свою последнюю, о злокознях недругов я вам поведаю. Стоит, братцы, стоит к походу изготовившись турская рать в Кафе-городе. Начальным над ней Мегмет-паша, паша кафинский, подначальные у него Мустафа-паша, в Азов вновь назначеный, что в годы смутные у казаков в Черкасском на „окупу" сидел, а третий Измецкий-паша; а сила турская собралась не малая — 10 катарг стоят многовесельных, а янычар в них, окромя гребцов, больше тысячи. Повелел им турский султан на помочь плыть Азов-городу и вместе с его силой ратною засыпать гирло Дона Тихого, чтоб донским казакам в море через него не было ни входа и ни выхода. Да повелел еще им султан перегородить гирло то цепями железными, а вниз и вверх от места того построить башенки и поставить ни них пушки медные. Собирайтесь в круг побеседовать, посоветовать — как Войску Славному против недругов поусердствовать, чтоб в землях чужих ему не славиться, чтоб сила вражья над нами не посмеялася, своей силой ратною на нас бы не похвалялася..."

Замолк дед, окончив поведанье вестей о недругах и говорит походный Епиха Никитич, деду поклонившися.

— „Спаси Христос тебя, атаман-казак, за речь твою к нам доброхотную, за вести твои о злоумышлениях наших недругов. Да сохранит тебя, Владычица, атаман, еще на годы многие. Приведи Господь возвернуться тебе на Тихий Дон, сладкой его водички попить, на казачью жизнь нашу порадоваться".

— „Не утешай меня, старика, атаман, — молвит дед, — спаси Христос и тебя за речь твою добрую. Не бывать уж мне на Тихом Дону, не пивать мне его сладкой воды, на жизнь казачью не доведется мне порадоваться: заря утренняя еще не загорится на небе, а жизнь моя уже окончится. Похороните вы меня, братцы, вместе с убиенной нашей братией, в Ногайской земле, повыше города Темрюцкого, у берега моря Синего. И могилы той поблизости будет слышаться не погребальный звон, а пал пушечный да раненых стон, и будет клубиться пушечный дым вместо дыма паникадильного..." Как освежили водой рану старику и дали испить, молвил он еще молодцам.

— „Не одна жена была у меня в Турской земле по закону Магометову, да не благословил меня Господь родом-племенем. А на Тихом Дону была у меня женушка, Богом данная — Аксюта Ивановна, краше и милее ее уже не было, да при мне она еще скончалася. Был у нас сынок, звать его было Иванушка, жив ли он, братцы, что с ним сталося, поведай мне, атаманушка? Был атаманом я городка Пятиизбянского, звали меня Дмитрием Лаврентьевичем, а по прозвищу был я Разиным".

И поведал Епиха Никитич старику, что вырос сынок его добрым молодцем, да дал ему Господь жизнь недолгую, в морском бою у Самсун-города кончил

жизнь свою он смертью праведной. Услыхав то помянул старик сына своего крестным знамением. И говорит ему Епиха Никитич:

— „Да благословил Господь тебя, Дмитрий Лаврентьевич, внуком, добрым молодцем, а мне Господь нынче дал сына названного, спас мне внук твой живот в сечи нынешней. Знать нашему молодцу, что песнь заводил тобою складенную, внуку твоему, Тимофею Ивановичу, на роду талан был даден дедовский".

Опустился Тимоша на колена и склонился к деду своему, нежданно - негаданно отыскавшемуся. Гладит дед внуку своему волосы его „курчавые", глядит на него не налюбуется. И говорит Димитрий Лаврентьевич, как будто потешаяся.

— „А все же в младость мою на Тихом Дону молодцы были понаходчивей, подогадливей — умели сыскать похоронки вражеские. А вот сколько вас тут, добрых молодцев, и никоторым из вас моя похороночка не отыскалася". И пошептал что-то дед внуку своему, за шею обнявши.

Встал Тимоша и опустился в нутро корабля; глядят — подымается оттуда вскорости. И видят держит он в руке 2 ожерельица из самоцветных камней и скатного жемчуга, не менее он был как в горошину. Хранил дед те ожерельица в тайнике на корабле своем, берег про черный день, иль на всякий случай. Взял он их из руки Тимошиной и молвит, протянувши Филе ожерельице меньшее.

— „Возьми себе во владение добрый молодец. Не за спасение живота моего тебе я его дарствую: суждено мне скончаться вскорости, чую как смертушка ко мне уже приближается, а что прерваться жисти моей не во времени воспрепятствовал и тем пособил мне сослужить службу Войску Славному и отыскать внука моего родимого".

Взял Димитрий Лаврентьевич ожерелье большее и, надев на шею внуку своему, молвил ему:

— „Не тебе, болезный внучек, мой подарочек, а твоей женушке, как обзаведешься ею с Божьей помочью, а время то, Тимоша, совсем-совсем близкое. А отец названный — родство не прочное, родство не долгое, будет у тебя и родство новое. Твоей женушке, моей внучке, мой подарочек, чтоб родила она тебе сынка молодца, а мне правнучка..." И молвит дед очами в небо вставившись, как будто ему там что-то виделось. „Будет у тебя, Тимоша, не один, а двое деточек... Ох, участь горькая, смерть ужасная, казни люты".

Стали очи у старика недвижимыми, исказился лик его, будто как страхи кромешные ему виделись.

— „Не донести до конца креста своего, молодшему, ноши на себя поднятой... Истязания тяжкие, погибель лютая... и басурманам не измыслить такой лютости. Да и при казни, смерти своей приятии, не посрамит атаман казачьего своего роду племени. Своя же братия атамана покинула, свои же его предали, и прах его злые недруги развеяли, да не развеять памяти об атамане доблестном, пройдет пора и недруги ей поклонятся... память о нем во веки пребудет незабвенною... Не перевестись на Дону роду Разина, крови Сары-Азмановой, да другим прозвищем потомство его прикроется. Сары-Азман дедом мне доводится, а тебе Тимоша прадедом. И не будут ведать, позабудется за каким прозвищем кровь разинская на Тихом Дону скрывается... Да прийдет время и откроется... Пройдет много, много лет, не одна сотенка, когда приключатся с казаками донскими такие беды, напасти, что страшно про них и сказывать... Спасет, вызволит казаков донских от бед напастей, Тихий Дон от запустения..." Застонал, закашлявшись Димитрий Лаврентьевич, и затих, очи свои смеживши. Видят молодцы — рана у старика открылася, кровь струей по груди из ней сочилася. Обмыл бельдер рану ему, присыпал зельем и „снодобием" и дал воды испить из корчика. Открыл очи дед, вздохнувши тяжело, поманил дед внука своего и трижды перекрестил его, а после и молвит ему:

— „Спой-сыграй, Тимоша, сказ про атамана нашего Сары-Азмана, как на Дону Донское Низовое Войско зачиналося, как из Путивля, Новгорода Северска на места свои дедовские возвращалося, у своего Азов-города поселялося и 7 городков оно построило и с молодцами Новгорода Великова во едино соединялося. Как послухаю я твой голосок, то и Тихий Дон и младость мне моя и вспомнится..."

Запел-заиграл Тимоша, а на корабле кто был, подхватили враз, и со стругов, что вокруг корабля стояли причаливши, песне подтягивали. А дед очи закрыв песню слушает, улыбается. А как песню кончили, глянули на дедушку, и видят Димитрий Лаврентьевич уже преставился, так и застыл под песнь казачью с ликом радостным...

Обнажили молодцы свои головы, творя крестное знамение, шепча набожно: „Упокой, Господи, душу усопшего раба Божия Димитрия". Сложил покойнику походный руки по-православному, а молодцы накрыли тело парусом.

Отошли казаки от упокоившегося, не узнавши, не проведавши, кто, иль что спасет казаков донских от погибели, Тихий Дон от запустения, да думали более о том, что должно совершиться вскорости по предречению дедовскому.

Вот что через песнь казачью совершилося над стариком казаком донским, скоротавшим в полону 30 лет, вот каково было предречение деда, атамана донского, Степана Тимофеича, Дону Тихому, Донскому Войску всему Великому.

Сказ 21.

Как совершилось первое предречение деда Разина

После битвы на море, казаками турской силы одоления, зачинался день нерадостно, невесело. Собрались перед зарей у поднебесья тучки непроглядные. Разыгралася погодушка: помутилось море, взволновалося, с ночной теменью как будто и не расставалося. Разбушевалось море не от ветра буйного, не было его особо сильного: в морских пучинах „чевось" не ладилось, и рыбам-чудищам там не терпелося. Из глубин морских они выбрасывались, с одного гребня морской волны в другую летали, перебрасывались.

Понеслись корабли со стругами казачьими по ветерку покосному. А после полудня, как стихло на море, приставала рать казацкая к бережку повыше города Темрюцкого. Становилась она казачьим табором на берегу от кораблей своих по близости.

В сторону темрюцкую камыши с „кугой", как лес дремучий, тянулись вдаль не прерываясь, а с азовской виднелись, отмели песчаные, в туманном мареве скрываяся.

Вырыли молодцы могилу братскую в честном бою живот сложившим. А как погребенье совершалось, надел Тимоша ладонку, у садика родиловского ему явленную, на шею дедушке усопшему, чтоб была легка ему земля могильная, была б она ему родимою.

Совершалось дело всем привычное, а атаману же походному в пору ту открылось и необычное. Ладонка им как будто где-то виделась: а где — никак не вспомнится. Да и кому ж все на свете виденное, кому ж то все упомнится? А как склонился атаман к рабу усопшему целование совершить прощальное, то на ладонке и образок приметил явственно, и в пору ту ему подумалось: „Как же так? Того чья ладонка, всем ведомо зовут Тимошею, на ладонке же той, сам видел я, образок висит Наталии святой?"

Да Епиха Никитич казак бывалый был и мудрым слыл, и не такие разгадывал премудрости житейские.

Не один уж денек стояла рать казачья, поджидая силу вражью. Стругов же молодцев — ни тут ни там нигде не виделось: пропали, сгинули и следов их не видать: 2 корабля добыв, в море бросили их, знать.

С утра на море туман клубился, у края моря синего густился, а как ветерком его от берегов развеяло, раздался с мачты призывный зов маячного:

— „Эй, вы, сторожевые, слухайте: по морю катарги идут, все в нашу сторону плывут. Походному и стружным, не мешкая поведайте. Всех десять их, о том вы, братцы, ведайте".

Отдал приказ Родилов и знак дал булавою. Задвигались, зашевелились в казачьем таборе, забегали как

муравьи в гнезде весной потревоженные. Бегут туда-сюда, неведомо зачем, неведомо куда?

Казаки ли сами вспомнили, иль атаманы „нагадали“ да только молодцы, видать с испугу, в камыш, в кугу „стремглав“ все побежали...

Ходом быстрым в гребную рать турецкая подвигалася, к кораблям стоявшим у берега приближалася. Паруса у них были долу спущены, знать, плыть-уходить рать казачья не собиралася.

В передней катарге сам Мегмет-паша сидел и на кораблики в немецкую трубку глядел и высматривал через нее, что было надобно. Были с ними — и Мустафа-паша, в Азов вновь назначенный и паша Измецкого города. И говорит паша кафинский подначальным своим.

— „Ишь, ведь, куда — на корабли, камышники повзбирались, да владеть то ими дело не их ума-разума. А струги свои побрасали они на свою же пагубу: уйти-спастись теперь им некуда да и на чем“.

А на катарге, на коей сидели паши турские, был в гребцах-невольничках полоненный казак, речи турской научила его нужда горькая и, о всем виденном и о всем слышанном, поведал он, когда время пришло, атаманам и станишникам.

Порешили паши по кораблям из пушек не бить, чтоб не причинить им какой пагубы, а ходом быстрым к ним плыть и на них казаков полонить. И говорит паша кафинский подначальным своим:

— „Заберем в полон их всех, „злых камышников“, и отошлем мы их к султанскому величеству в Стамбул на лютую казнь. Правоверный народ пусть порадуется и подивится, какой храбростью, чьею ратной мудростью казаки в полон были забраны“.

И на катаргах все уверились, что не один казак из турецких рук теперь уже не вырвется. Лишь одному казаку-невольничку по иному о том думалось, по-своему, по-казачьему:

„Ой, не лезь, паша, на дикого коня, наперед его не
заарканивши.
Ой, не бери, паша, казака в полон, наперед того его
да не ранивши“.

Погреблись, понеслись катарги быстрей прежнего, и увидали люди турские, что и на кораблях не обошлись казаки без камыша, куги да без „чакана“. Все бока кораблей им заделаны, шалаши несуразные из него понаделаны. Мегмет-паша то приметивши, промолвил „с сумнением:“

„Уж не надумали ль злые камышники корабли наши огнем спалить, так самим то им как при том быть?“

А как катарги к корабликам приблизились на пищальный пал, бока у кораблей дымом густым, ровно облаком, вдруг окутались: раздались выпалы из пушек неведомых и ядра и пули пищальные на катарги вдруг посыпались.

Совершилось все по казачьему „умыслу“: втащили молодцы пушечки на корабли купецкие, с катарг снятые, перед тем в бою на них взятые. Так поздравствовались, поприветствовались молодцы с силой вражьею по-казачьему.

Камыши в пору ту вдруг раздвинулись и струги казачьи быстрей соколов из них двинулись, понеслись и на катарги с боков ударили.

„Не жалеет казак в бою голову свою бесшабашную,
Спешит сразиться с недругом в рукопашную“.

Пищальные выпалы, ятаганов лязг, сабель звон, топоров казачьих треск, зыки призывные у морского берега раздавалися... Эх, да и сеча ж была, сеча лютая!..

В начале часа другого и оказалося — 3 турских катарги в битве той казаками были утоплены, одна в полон была забрана, а шесть хоть с боя и ушли, да ушли с людьми многими ранеными и убиенными.

Сложили в сече той свои головы — и Мегмет паша, паша кафинский, и Мустафа-паша, в Азов вновь назначенный, Тихий Дон не увидивши, по султанскому велению гирло его землей не засыпавши, башенки там не построивши, наряд на них не устроивши. А третий паша — Измецкого города, хоть и добрался до Черкасского, да попал туда раненым, ясырем казаков донских. И посадили его там на окуп с турскими людьми начальными — „за тридцать тысяч червонцев и четыреста“. Урон же у молодцев по Божьей милости был совсем „махонький“ и десятка не потеряли они из своих убиенными.

Так совершилось по заповеди-предречению покойного Димитрия Лаврентьевича: похоронили его в Ногайской земле, повыше города Темрюцкого, у берега моря Синего вместе с убиенной братией; и служили молодцы у могилы не службу заупокойную, а совершали битву свою победную. И клубился дым поблизости, да был он не от ладана горения, а пала из наряду совершения... Так совершилось не малое из предреченного.

Сказ 22.

Донских молодцев на Тихий Дон прибытие и что после того случилося в Черкасском.

С уроном малым, с добычею богатою, со славой-честью великою возвернулись с похода молодцы.

Пал с наряду большого и малого, колокольный звон „до кочетов“ неслися по Черкасскому. Притихло смолкло все, как служило Войско молебствие, а после него загудело, загомонило пуще прежнего, а особо как на хмельное чинилось розговенье. С полудня до вечера „дуванило“ Войско добычу в море взятую...

Пришел в курень Епиха Никитич лишь поздно вечером, за весь день всего раз-другой заглянуть за делами и привелось в него.

— „Ну, дорогая дочушка, — молвит Епиха Никитич повечеривши, — мы с делами своими с Божьей помочью покончили, а как тебе Господь помог с делом своим управиться“?

— „ Про какое дело, родимый батюшка, меня изволишь спрашивать“? вопрошает недоуменно Наташа своего родителя.

— „Да приметил я в поход перед отбытием: вышивала ты шелками ладонку. Как тебе она удалася“? Вопрошает атаман и глядит на дочку с любопытствием.

Как маков цвет зарделась Наташа, как зорька зарумянилась. А казалось бы чего в том необычного: отчего же не спросить отцу, не полюбопытствовать, как преуспевает у его дочери шитье-вышивание? А вышло, что кольнуло в очи былинкой или соломинкой. И говорит Наташа своему родителю:

„Повинюсь я тебе, родимый батюшка, „не потаяясь“ я все поведаю: ладонка та до твоего в поход отплытия мной была уже кончена. Да ведала я, как идут, бывало, в поход молодцы, то идут они все благословившися от родителей, или старших „сродственников“. А в поход с тобою шли и сиротинушки и благословить то их было не кому, и не кому было, сшивши ладонку, наполнить по обычаю землей родимою. И кинула я на дорожку у садика ту мою ладонку, чтоб которому она досталася и участь сиротская без молитвы бы не осталася“.

А как промолвила то Наташа, так зарделась еще пуще прежнего. И вопрошает ее родитель, вскинувши на нее своими очами соколиными:

— „А за кого ж молилась ты, Наташенька“?

И не „вспопашилась“ девица, как у ней вырвалось:

— „За Тимошеньку“.

А как спохватилась, то и добавила: „И за тебя молилась, родимый батюшка“!

А Епиха Никитич молвит потешаяся: „Да в моем возрасте, дочка, у нас почти что все уже сиротинушки“.

Да Наталья Епифановна дочь была, ведь, атаманская, кровь текла у нее гордая, родиловская и молвит она, сдвинув брови соболиные, помрачившись ликом будто тучушка.

— „Статься может, батюшка, и не одна девица то удумала и у одного молодца не одна ладонка, а с пяток их оказалося, да с того нет ничего: по закону христианскому то мною совершалося, а молилась я „за плавающего“. А ежели сохранил тот сирота-казак свою головушку, как в битве быть ему случилося, то статься может по моей молитве то совершилося“.

Промолвила дочь атаманская и взор свой горестно потупила. Не скрылись от Епихи Никитича его дочери

муки сердечные, поглядев на нее с участьем с ласкою, молвил он, положивши длань на плечо ее.

— „Стать, Наташа, была бы необычная, чтоб у одного молодца было бы с пяток ладонок, тот молодец чай, ведь, не монашенок. А у того плавающего, сам видал, одна была да и той у него уж не осталося, деду усопшему при погребении она досталася".

Не промолвил Епиха Никитич на то больше словечка не единого, а сам в пору ту подумал:

— „Твоя ль ладонка или молитвы твои сберегли в походе жизнь Тимошину, на роду ль написаны ему годы многие, то неведомо, а что мою голову спасла его сабля вострая, да удаль его молодецкая, ныне о том уже все Войско ведает".

Поведал Епиха Никитич своей дочери, что в походе случилось, совершилося, а кой о чем и умолчал, и словом не обмолвился, знать, о всем гутарить было еще не во времени.

Промолвив — „Ну, Наташа, мудренее утро вечера" и поцеловавши ее, пошел атаман ночевать на крыльцо куреня своего.

Не мало еще Наташа с Глашею шепталися о всем за день виденном, о всем слышанном. Долго до самой зари Наташе не спалося, все грустилось и вздыхалося: думы о молодце не давали сомкнуть очей своих красной девице.

Повидала Наташа Тимошу при встрече войска из похода по прибытии, видалась с ним и на молебствии, да удалось всего лишь им поздравствоваться и словечком не пришлось им перекинуться. Не удалось Наташе и у Фили, братца своего крестового, пораспросить о том, о чем хотелося. Да братцы что тогда, что теперь все одинаковые. Едва молебствие окончилось и десятком слов Филя с сестрицей своей не перекинулся, вскочил на коня и полетел, аж пыль за ним завертелась, заклубилася; даже дети малые все догадалися — поскакал в Маныцкий, чтоб ожерельицем его там бы полюбовалися.

Выпадает ночь бескрайная, многочасная, когда очи никак не смыкаются; выпадает она на долю того, кого мучают болести-хворости, и на долю того, нет их у кого, а терзает горшее — муки сердечные. Выпала такая ночь и на долю атаманской дочери. Была она у нее не первою, а была ли она у ней последнею — но том нам будет ведомо.

Сказ 23.

Как и что совершилось иное дедом Разиным предреченное.

На другой день перед полуднем пришел Тимофей Иванович в гости к своему отцу названному. Приубрался, приоделся молодец по праздничному: епанча у него была расшитая, а у ожерелка и на рукавах золотою нитью шитая, шаровары темносиние сукна аглицкого были широкие; сапоги красные сафьяновые были у него высокие; булатная сабелька в серебро оправленная на кушаке из пряжек кованных при боку его болталася, на шее*) ожерельице, дедом завещенное, самоцветью переливалося, в правом ухе молодца с жемчугом большим золотая серьга красовалася.

А как Тимоша по обычаю поздравствовался, на образа в святой угол перекрестившись, то Наташа молодцу и промолвила:

— „Спаси Христос тебя, братец названный, Тимофей Иванович, что из беды великой ты вызволил моего батюшку; на веки вечные остаться мне в долгу перед тобой приходится, отквитаться чем и как с тобою мною не находится".

Зарумянившись, Тимоша так ответствовал:

— „То казачье наше дело сестрица, Наталия Епифановна, дело обычное, выручать друг друга из беды казаку дело привычное, а атамана в бою беречь, то дело наше первое. Спаси Христос и тебя, сестрица, за речь твою ласковую". Молвил то Тимофей Иванович, поклонившись Наталье Епифановне. И девица приоделась на радости блгополучного прибытия своево родителя. Кубелек на ней был атласный, цвет лазоревый ожерелочек и зарукавья были отделаны кружевами немецкими; пуговочки на кубелеке были из жемчуга, грушей низаные; Наташин стан обхватывал поясок из золотых чеканных пряжичек, яхонтами украшенных. Волосы у девицы в тугую косу были заплетеные от темени до пояса по косе нитями жемчужными оплетены. В ушах „кресты" „изделие казачье"*) с жемчугом и изумрудом из мочек вниз опускалися.

Усадили молодца за стол и по обычаю почествовали, не одну чарку вина отец с сыном названным выпили, а Наташа с Глашею и мать ее, Марья, пригубили меду сладкого, за благополучие возвернувшихся с похода дальнего. Погутарили в походе о совершившемся, помянули крестным знамением и покойного Димитрия Лаврентьевича. И говорит Епиха Никитич.

„По обычаю празднуем мы три дня с похода по прибытии и в пору ту никоторых делов у нас не совершается, а дело наше и ныне никак не прерывается — пойду к Войсковому, к Смаге Степановичу, погутарить, посоветовать, а про какое дело, возвернувшись вам поведаю, да статься может, будет и без надобности, — молвил Епиха Никитич, усмехнувшись, — и вы тем временем погутарьте, побеседуйте."

Ушел атаман и осталась Наташа с Тимошею, да еще Глаша с ними была. Да, ведь, и по куреню дела николи не прерываются и у Глаши дела неотложные в ту пору оказалися, и молодец с девицей в горнице одни осталися. И о чем они беседу вели, о чем советовали слыхать было некому.

Времени не мало прошло, как Епиха Никитич из куреня ушел, а как от Войскового в свой курень он пришел, то и возрадовался. Дочушка его цветет как маков цвет порой майскою, давно уже не видал родитель такой свою Наташеньку. И Тимоша глядит, будто как забрал в полон султана турского, да султана что, все царство турское вместе с Царем-городом. Глядит Епиха Никитич усмехается, усы покручивая. Перекинулся словечками с молодцем о том о сем, а после и спрашивает:

— „Ну что ж, Тимоша, люба ль тебе моя дочушка Наталия?"

Зарделся, зарумянился лик у молодца и говорит — люба де она ему милей света белого, казачьей волюшки. А атаманская дочь те речи слушая, запылала, загорелась, вот сгорит, как костер от пламени. Вопрошает родитель и свою дочь Наталию.

— „Ну, а тебе, моя дочушка, люб ли Тимофей Иванович?" И что же она своему родителю ответила:

— „Не больно он люб мне, да больше мне никоторый не полюбится, а ежели воля твоя родительская не буду перечить тебе и противиться, буду я женой Тимофею Ивановичу". И увидал Епиха Никитич, пока он вел речи свои с Смагой Степановичем и тут не малое речами совершилося.

— „Погоди, больно скорая да и на язык больно острая, — молвит Епиха Никитич своей дочери, — о замужестве будто как и словечка мною еще не промолвлено, да и Тимошу о том спросить надобно".

— Да ты ж мне, батюшка, сам не раз сказывал, отвечает Наташа своему родителю, — казаку-молодцу, который с разумом, ведать надобно не токмо то, что другим сказано, а и то что у того на уме при том. А нам девицам на Тихом Дону поред молодцами плошать не приходится, жизнь наша с ними мало в чем расходится. Да зачем же, родимый батюшка, родитель будет вопрошать у своей дочери — люб ли ей добрый молодец, ежели не о замужестве ее им при том думается? А Тимошеньку что же спрашивать, — молвит Наташа посмеиваясь, — натворили вы делов, а я расхлебывай. Похоронили вы дедушку Димитрия Лаврентьевича, с моей ведь ладонкой, как же ему в могиле успокоиться, ежели ладонка на нем с родимой землей оказалась от чужой девицы, стало быть, и надо мне стать его внуч-

*) В XVII ст., как видно из документов казаки носили ожерелья.

*) Из Донских дел Посольск. прик. видно — серьги жемчужные „изделие казачье". Серьги эти имели форму креста, были из жемчуга с рубинами, изумрудами, сапфирами и алмазами.

кою, а Тимоше, хочешь не хочешь, просить меня себе в женушки: внук то у дедушки скончавшегося, ведь один — Тимофей Иванович."

Посмеялись на речь ту, а все же спросил Епиха Никитич и у молодца что было надобно.

Ну тот напрямки поведал, что будет мужем верным Наталии Епифановне до гробовой доски.

Снял атаман икону из святого угла и благословил ею коленопреклоненных Тимофея и Наталию на новую жизнь, жизнь супружескую, а после и Глашина мать, перекстила свою Наташеньку. Недолго после того в горнице гутарили, беседу вели, слышат — раздается на майдане звон маячного колокола, по коему собирались казаки на сбор, в круг для делов своих решения. Вопрошают нареченные у своего батюшки по какому такому делу в праздничный день им народу собираться велено. И поведал им Епиха Никитич, как шел он от Смаги Степановича то и велел он малость „сгодя" забить в колокол ради поведанья о венчании казака Тимофея Ивановича Разина с казачкой, Натальей Епифановной Родиловой. Поведал он и какие дела им у Войскового совершалися, „звал" он в посаженные к своей дочери Смагу Степановича, а к Тимоше Исая Мартемянова.

— „Какой же я был бы атаман Войска Главного, — молвил Епиха Никитич посмеиваясь, — ежели б не ведал не токмо что у иноземных послов, а и у моей дочушки в голове и в сердечке у ней деется и к чему все дело клонится?"

Разрыдалась Наташа, к своему батюшке на шею бросившись: уходили со слезами без остатка былые горести; были то и слезы от великой радости, и слезы благодарственные за любовь и ласку родительскую.

Привалил народ на майдан со всех станиц Войска Главного. Гомонит, шумит, переговаривается: всем было ведомо, по какому делу народ на майдане собирается.

— „Идут, идут, — кричат станичники. Расступаясь, пропускает народ Тимошу с Наташею, с добросердием с ними здравствуясь.

Взошел на помост Тимофей Иванович, ведя за руку Наталью Епифановну, и стали они рядышком, как солнце красное и месяц ясный на небесах необычно встретившись. Застучал есаул Войска Главного и молвил зычным голосом:

— „Помолчи, Войско Главное, во время присное и в века будущие Войско Славное: казака Тимофея Ивановича Разина по делу его великому речь „послухайте".

Замолкли, затихли вокруг, устремивши очи свои на стоявшую парочку, на нее любуяся. И говорит Тимофей Иванович своим сладкопевным голосом:

— „Братья и сестры! Полюбилась мне боле света белого, казачка вольная, дочь атамана Епихи Никитича, девица Наталья Епифановна Родилова, и хочу я ее себе в жены взять, своей волей вольною, а любить, беречь и верным мужем буду ей до живота своего скончания... Люб ли я тебе Наталия Епифановна, согласна ли ты быть моею женою своей волей вольною?

И молвит она ему, вся зардевшися.

— „Люб ты мне, Тимофей Иванович, хочу я быть волей своей женою твоей и буду тебе верной женой по гроб жизни своей".

И вопрошает после того Тимоша по обычаю казачьему:

— „Атаманы-молодцы, казачки вольные, есть ли тому у кого „перекор" какой?"

— „Нету, нету... в добрый час, — отовсюду слышится, — живите-радуйтесь годы многие, прибавляйте роду-племени казачьего, совет да любовь..." Перекора знать, не было, не оказалося.

Снял Тимофей Иванович ожерелье свое, дедом заповеданное и на шею надел своей лебедушке. Прикрыв полой своей и, взявши за руку, свел Тимоша Наташу с помоста. И после того трижды обошли они вокруг обкрутилися вокруг ракиты росшей вблизи помоста, вокруг коей все по обычаю казачьему венчалися. После того вновь на помост взойдя, Тимоша с Наташею трижды облобызалися, и стали их все собравшиеся поздравлять со вступлением в супружество.

Снова постучал есаул войсковой, а как смолк народ, взошел на помост Епиха Никитич и молвил:

— „Атаманы-молодцы, станишники и станишницы, все казачество Дона Тихого и „преслоутых"*) рек! Совершилось венчание по обычаю, присуду нашему, казачьему: Тимофей и Наталия стали мужем и женой перед всеми людьми, перед всем нашим народом казачьим. По нашему ж присуду и обычаю надлежит стать им мужем и женою и перед Господом. Совершится нынче же ввечеру венчание их и по церковному. Да будет вам станишники и станишницы, ведомо: нынче в городке Маныцком по присуду, обычаю казачьему совершилось еще венчание, семейного люда у нас еще прибавилось — совершилось венчание казака Филиппа Ильича Ажоги с казачкой вольною, воспреемной дочерью Войскового Атамана Смаги Чертенского, Серафимой Смаговной. Нынче же прибудут они в Черкасский, обе пары в одно время и повенчаются.

Жалуйте, станишники и станишницы, и все молодцы всех знаменитых рек, все, которые в Войске Главном оказалися к часовне на венчание, как ударит маячный в колокол, а после того жалуйте все по нашему обычаю казачьему на пир-чествование, к сборному месту для братской трапезы у берега Дона-Батюшки".

После полудня прибыли из Маныцкого струги и каюки**) разукрашенные с Филей и Серафимою. А перед вечером обе пары и повенчались по церковному, стали мужьями и женами и перед Господом.

Собрались к берегу Дона Тихого казаки и казачки Войска Главного и всех „преслоутых" рек — казаки — яицкие и волжские, гребенские и запорожские. Расставили столы казачьи,***) разослали ковры, полсти и „лантухи". Все несли чем богаты были на общую трапезу складывали, и все молодых кто чем мог одаривали.

За большим столом две пары молодых сидели рядышком, по бокам сидели с одной стороны — Войсковой Атаман Смага Степанович, с другой Главного Войска — Епиха Никитич, а с ними с одним Дарья Семеновна, а с другим Марья Ивановна, а далее по бокам сидели атаманы станишные: Федор Татаринов, Мартемьянов Исай, Волокита Фролов со своими женами, войсковой дьяк, войсковые есаулы и прочие. Да всех и не перечесть.

А на обеих молодушках — ожерелья красовалися, мужьями им подаренные, память покойного деда Димитрия Лаврентьевича. До зари утренней затянулась пир-беседушка. Светло было как днем от костров, на коих баранов, говядину и иное прочее готовили.

Да и без них было б светло — полноликий месяц-колдун не отрывал лика своего от городка Черкасского. А на небе ни тучки, ни облачка, в ту пору не было и листком на деревьях не шелохнулось.

Гутарили, беседу вели и посла московского вспомнили, над ухищрениями его посмеялися, не забыли и о походе погутарить — побеседовать. Над Серафимой Смаговной потешалися, стращали — встанет она как-нибудь утречком, а ее Филюшка хромым и кривым, а она сама немою, окажутся. И над Тимошей с Наташею потешалися. „Горько**) — не мало кричали, будто как все питье было полынное. Не бывает и ныне пир без казачьей песни и пляски молодцев, не бывал он без них и в годы минулые... Пели-играли песни дедовские и всей братией и пел сам-друг Тимофей Иванович, и вместе с Филею, упросили спеть и Наталью Епифановну. Пели и плясали до самой зорюшки. А ежели, братцы, во хмелю кого, казака, заприметите спросите молодца,

*) Прославленных.

**) Лодка для плавания по реке.

***) Еще в конце прошлого столетия в летнее время у казаков были в пользовании столы, за которыми сидели на земле; столы высотой около 1—1½ четвертей.

**) Горько кричат во время свадебного пира, чтоб заставить „подсластить", поцеловаться новобрачных

не с того ли пира у него хмель не проходит все, еще не кончается.

Вот, какие дела бывали на Тихом Дону в годы старые. Вот что песня казачья с казаком сделала. Вот что было дедом Донского Атамана, Степана Тимофеича Разина, предречено-заповедано, а что свершилось и что свершится должно то всякому своим розумом ведать надобно.

На роду талан, братцы, свой даден кажному.
На роду судьба написана — всем по-разному.

КОНЕЦ.

Микола Оверкович. *(Прага).*

ВЕСНА НА ЧУЖИНІ.

Весна на чужині... З блакитного неба
Промениться сонечко сяйвом ясним,
І вабить, і кличе, і тягне до себе
Теплом життєдайним та чаром своїм...
Та що мені з того, що сонце тут сяє
І землю нерідну цілує, пестить,
Коли край мій рідний в темряві безкраїй
В ярмі чужинецькім закутий лежить?..
У полі зеленім розсипались квіти
Килимом барвистим; на вільних полях
Ім любо цвісти тут, синіти, жовтіти,
Всміхатись до сонця, купатись в росах...
Та що мені з того, що гарнії квіти
До неба чужинного пахощі ллють,
Коли у Вітчині, ганьбою укритій,
Лиш квіти насильства кріваві цвітуть...
Пісні на чужині лунають весільні;
Як хвилі нестримні, їх згуки летять
В широкі простори, далекі і вільні
Та гомоном радости в серцю бренять...
Та що мені з того, що пісня лунає
Весела і вільна в нерідних полях,
Коли Край мій милий тепер абгортає
Лиш туга смертельна, і розпач, і жах?..
Та що мені з того, що тут на чужині
У дівчини радість цвіте на устах,
Коли у нещасній, розпятій Вітчині
В сестер моїх сльози не сохнуть в очах?
І що мені з того, що тут в кожній хвилі
Життя безтурботне вулканом бурлить,
Коли в Батьківщині моїй онімілій
Мій брат у кайданах ворожих ще спить?!.

Ні, нема мені спокою
Між чужинних піль:
Тисне тугою німою
За своїми біль...
І не маю насолоди:
Не вгашу жалі
В сяйві ясної свободи
На чужій землі;
Не вдушу нудьгу-гадюку,
Не остужу гнів,
Не розвію свою муку
Між чужих країв;
І не втішу свої болі
На чужих людях —
Хочу волі, волі, волі,
Лиш в своїх степах!..

Хай барвистим світлом сяє
Тут чужа весна —
Мою душу й серце крає
Осінь навісна...
Радість весен божевільну
Пити я буду,
Як на рідну землю вільну
Вільним я прийду.

Христос Воскрес, — Воскреснет и Казачество!

Христос Воскрес!

Спаситель был распят. К гробу его привалили тяжелый камень. Но Он восстал из мертвых, победил смерть.

Казачество распято. Распято на кресте, и не только образно „на кресте“, но и буквально, ибо и против знамения крестного ополчилась кровавая Москва. И к его гробу привален тяжелый камень коммунизма... Но оно встанет и нынешнюю смерть свою победит, ибо правда — с ним!

Христа осудили книжники и фарисеи; он им мешал и был для них опасен.

Казачество осудила ныне книжная примудрость бескомпромиссного социализма и его служителей: оно им мешало и было для них опасно. Опасно потому, что фарисеям казаки никогда не служили.

По всему лицу земли рассеялись ученики Христа, разнося Слово своего Учителя. По всему лицу земли рассеялось ныне и Казачество. Разогнали его по тюрьмам, ссылкам, Соловкам и Сибири там, в СССР. По всем частям света и десяткам стран - государств рассеялось оно здесь, за-границей. Но, и там и здесь, рассеянное физически, не рассеялось Казачество духовно.

Рим устраивал гонения на христиан. История изменчива. Теперь из Рима раздается слово протеста против гонителей Веры Христовой.

История Казачества — прежде всего история его войн с басурманами. Сегодня победили — басурманы. Но, мир победило — христианство. Победит оно и теперь. Победит басурман еще раз и Казачество.

В рабство продавали христиан. Сажали их на галеры. По водам далеких морей из темных трюмов раздавалось песнопение христианское. И „рабы“ — победили.

Какая еще есть работа, какой не занимаются на чужбине казаки? Но песню не забывают. „Ты Кубань, ты наша родина“, звуки донского гимна, звуки казачьей песни, песни свободного Казачества раздадутся еще и на родной земле его.

Черного рабства уже на свете нет. Кончится и белое рабство Казачества.

Независимость и свободу Казачество ныне утратило, но чести не потеряло и красному идолу в ноги не поклонилось. А осталась честь, — будут сброшены и цепи рабства.

Древние египтяне верили, что есть птица феникс, что сгорает она в собственном пламени, но потом возрождается из своего же собственного пепла. Казачество сгорело в пламени войны. Мы его пепел. Но из этого пепла, из нас самих возродится Казачество.

В клетки с голодными львами и тиграми запирали в цирках Рима христиан. Римская чернь смотрела и увеселялась. Там теперь запирают в колхозы, смотрят и увеселяются.

Чтоб отклонить от себя гнев народа, Нерон, говорят, зажегши Рим, свалил всю вину на христиан. Причины своих неудач большевики сваливают на „контр-революцию“, на кулаков, между ними и казачество. Нерон погиб, Рим восстановился, христиане восторжествовали. Не Сталин победит теперь, но п р а в д а.

В полярных странах зима длится долгие-долгие месяцы. Но все равно и там приходит весна, ибо в с е г д а з а з и м о й с л е д у е т в е с н а. На день ли, неделю позже, — но солнце покажется. Загудит благовест и снова раздастся возглас праздника весны, праздника жизни, победный клич над смертью, призыв к воскресению — „Х р и с т о с В о с к р е с!“

Еще один год слышим мы этот благовест за границей. Еще один раз раздается „Христос Воскрес!“, но... сковано еще Казачество. Долго ли ждать, пока отвалится плита от каменного гроба? Нам никто этого не вещал. Но, правда торжествует всегда, — без этого не было бы жизни на земле совсем, а был бы мрак небытия.

Солнце всегда разгоняет тьму. Светлое осветит и мрак... Слово Христа осветило жизнь человечества. Его учение не сломили никакие гонения, ибо Он сам — воскрес.

Христос Воскрес, — воскреснет и казачество!

Инж. **В. Бейсуг.**

„Пятилетка“ у нас.

III. Электрофикация. Транспорт. Мелиорация. Мероприятия социально-культурные.

Как и во всей пятилетке, в пятилетке для Северо-Кавказского Края электрофикации отводится исключительное место. Авторы плана здесь руководствовались как соображением, что индустриализация Края немыслима без развития его электрофикации, так и общими надеждами на исполнение положения Энгельса: „электроэнергия с ее переброской на сотни верст покончит с противоположностью между городом и деревней“. Наличие в Крае горных рек, могущих дать громадные количества гидравлической (водяной) энергии, (общий запас возможной к использованию водной энергии исчисляется по предворительным подсчетам в 2 милл. киловатт!) и большое количество малоценных отбросов каменного угля и нефти (штыб, парафинистый мазут), — все это дало широкие возможности для планирования, получения и использования на Северном Кавказе дешевой энергии „белого угля“. И действительно авторы пятилетки здесь не скупились, как в намечании новых сооружений, так и в отпуске средств на окончание уже начатых. По темпу роста мощности электростанций и выработке электроэнергии Северо-Кавказский Край превышает Союз в целом, повышаясь в общесоюзном баллансе с 3,5% в 1927-28 г. на 4,3% в 1932-33 г.

По сравнению с другими местами СССР, электрофикация в наших Землях обладает той особенностью, что у нас весьма сильно выражается централизация производства электроэнергии на отдельных крупных районных станциях. В 1927-28 г. общая мощность всех электростанций края составляла 70,5 т. киловатт, из которых на долю крупных районных станций не приходилось ничего; к концу же пятилетия при общей мощности в 302,7 т. киловатт, 81,1%, или 245 т. клв., должно по плану приходиться на долю крупных районных электростанций. Такая централизация признана целесообразной в целях более производительного использования водной и тепловой энергии в районах их местонахождения для дальнейшей уже передачи ее в промышленные предприятия, города и станицы.

Пятилетний план намечает строительство следующих районных электростанций: Шахтинская (Артем) — для обслуживания угольного района Шахтинского округа, городов Шахты, Ростова и Сулинского завода. Запроектированная мощность станции — 88 милл. киловатт, стоимость — 29,3 милл. руб., работа должна производиться на штыбе. Следующей по величине является Несветаевская угольная ст. стоимостью в 13 м. р. и мощностью в 44 милл. кнлв., в пятилетие однако должны быть окончены работы на 29 м. килв. Баксанская — для обслуживания электрифицируемой Минераловодской ветки и промышленности Терского округа и Кабардино-Балкарской автономной области; мощность — 25 м. клв., работа — на водяной энергии; предполагаемая стоимость — 19 м. руб. Гизель-Донская — на 22,5 милл. клв., для обслуживания Алагирских цинковых заводов, Беслановского кукурузно - крахмального комбината, Грозного и Владикавказа; стоимость — 17 м. р. Далее намечены две станции мощностью по 22 м. клв. — в Новороссийске для обслуживанья цементной промышленности, Новороссийского порта, элеватора и железно-дорожных мастерских, и в Екатеринодаре. Обе станции должны работать на мазуте. Стоимость первой — 7,45 м. руб., второй — 6.94 м. р. Аяханчурская — мощностью в 14 м. клв., стоимостью в 6,5 м. р.; она должна быть вспомогательной к Гизель-Дону и вместе с ней питаться водяной энергией. В течение 5 лет большевики предполагают построить еще районную станцию на Кубани в ст. Невинномысской — на 10 м. клв. с тем, чтоб в след. пятилетие (у большевиков хватает смелости верить и в таковое!) довести ее мощность до 40 м. клв. т. е. поставить на третье место в Северо-Кавказском Крае. Начата должна быть постройка двух станций еще на р. Белой и в верховьях Кубани — по 25 м. клв. мощности каждая и стоимостью в 20 и 19 м. руб.

Ряд перечисленных электростанций должны будут соединены между собой передачами (чтоб журавли в небесах не разлетелись!): Артем—Ростов—Таганрог—Штеровка; Новороссийск—Краснодар; Гизель-Дон—Алханчур—Грозный.

Одновременно с постройкой районных электростанций электрификация края по плану выражается в стро-

ении коммунальном и в „сельской электрофикации". Из городских станций наиболее крупными по плану являются: Армавирская (на 2,8 м. клв.), далее идут Прикумская, станция в Сочи и Микоян-Шахар.

Что касается электрофикации сельской, то „ее широкое развитие" большевики предполагают за пределами пятилетки, в течение же текущего пятилетия выработка энергии для нужд сельской электрофикации должна увеличиться по плану на 463%. Из отдельных станций здесь в плане выделяются проекты построек станций в Старо-Щербиновке — мощность в 480 т. клв., стоимость 735 т. руб., Кущевке — 400 т. клв., 562 т. р., Старо-Минской — 400 т. клв., 574 т. р., Хахурино—Хабль — 370 т. клв., Лабинской — 340 т. клв., Матвеев—Кургане — 349 т. клв., Славянской — 272 т. клв., Белой глине, Целине, Благодарном, Петровском, Старо-Минской и др. Общий об'ем выработки электроэнергии в Северо-Кавказском Крае план проектирует повысить с 191,7 милл. киловатт-часов в 1927-28 г. на 936,8 м. к.-ч. в 1932-33 г.

Средства отпускаемые на электрофикацию измеряются в 146 милл. руб., из чего 113 м. р. расходуется на строительство районных централей, на сельскую же электрофикацию... лишь 14 м. р. (удивительная последовательность большевиков во всем, что касается станицы!); остальное — на реконструкцию и строительство коммунальных электростанций.

Из станций не входящих в территорию Северо-Кавказского Края, но лежащих в наших Казачьих Землях, упомянем о Царицынской, с постройкой которой начато еще до пятилетки, и которая расчитана по мощности в 66 милл. клв.

Как видим все цыфры, касающиеся электрофикации, весьма ослепительны (в проектах, конечно!) и мы недаром назвали ее „жемчужиной" пятилетки; оценим мы ее тогда, когда начнем анализировать в конце очерка по существу самое пятилетку.

В ожидании „бурного роста народного хозяйства края", авторы пятилетки поспешили наметить меры для обеспечения соответствующего роста грузооборота путем проекта транспортного строительства. Как известно, основными грузами наших Земель раньше были хлеб, каменный уголь, нефть и лес. Пятилетка предполагает значительное увеличение правда товаров и удвоение вывоза перечисленных продуктов, так что в сумме грузооборот должен по плану подняться до 26,6 милл. тонн в 1932-33 г. (18,97 м. т. — жел. дорогами, 6,1 м. т. — транспорт морской, 1,46 м. т. — внутренними водными путями), вместо 14,098 м. т. в начале пятилетия и 14,8 м. т. в 1913 г. С целью ослабления напряжения грузооборота по ж. дорогам, на которые выпадает в этом случае задача, авторы плана предполагают расширить транспорт речной: 2,5 м. тонн экспортных нефтепродуктов должно миновать ж.-дорогу, благодаря использованию нефтепровода Грозный—Туапсе. В целях расширения пропускной способности план предполагает электрифицировать ж. дороги Туапсе—Белорченская, Минераловодскую, и переоборудовать ж. дор. узлы Ростова и Туапсе.

Всего этого оказывается однако мало и творцы пятилетки проектируют новое ж.-дор. строительство. Здесь впрочем большевикам не пришлось особенно ломать головы, т. к. ряд ниже перечисленных дорог был намечен к постройке еще до воцарения советской власти.

Весьма важными по плану являются ж.-дорожные линии „хлебовозные". Из таких должна быть построена ж. д. Миллерово—Саратов длиной в 165 верст, со вложением за пятилетие в постройку 25 м. руб.; далее линия Григориполисская—Медвежье (66 в.), проходящая по Ставрополью, и Капеловская—Азов (70 в.), т. е. всего 203 клм. ж. дорог „хлебовозных". В качестве таких же „хлебособирательных" (не правильнее ли сказать „хлебовыкачивальных"?) должны быть достроены линии Ставрополь—Винодельное (112 км.), Винодельное—Дивное (38 км.), Петровское—Благодарное (63 клм.) и др. с общим протяжением в 954 клм.

Для вовлечения в эксплуатацию горных богатств и лесных массивов по плану проектируется построить 211 клм. новых и докончить 236 клм. старых ж. дорог. Среди них мы находим Тебердинскую ветку (до Георгиево—Осетинской), линии Майкоп—Хамышки (до Хамыш. ущелья) в 56 клм., Екатеринодар—Горячий Ключ (53 клм.), Лабинская—Псебай (Ахметовская) в 67 клм., Дар—Кох—Алагир, Туапсе—Адлер (достройка в 110клм.), Армавир—Туапсе (достройка). Линии на Горячий Ключ и Теберду должны носить и курортный характер.

В итоге строительства план расчитывает повысить современную ж.-д. сеть Края в 3964 клм. — на 4524 клм.

В течение пятилетия должны быть также произведены предварительные работы для намеченных в дальнейшем к постройке магистралей Туапсе—Краснодар—Донбас—Москва; линии Канеловская—Азов и Краснодар—Горячий Ключ проектируется принять за опорные пункты этой магистрали.

Что касается мероприятий по строительству транспорта речного, то здесь большевики мечтают о шлюзовании Дона, как первой стадии работ по постройке Волго—Донского канала, углублении морского канала в устьи Дона, улучшении условий судоходства по верхнему течению Дона и об обеспечении судоходства по Кубани до Крапоткино (б. хут. Романовский).

Капитальные вложения в транспорт запроектированы в сумме 336 м. р., из которых 231 м. р. идет на ж. дороги, а 58 м. р. на пути водные. Около 47 м. р. по плану предположено израсходовать на переустройство и приспособление к нуждам экспорта портов. Здесь идет дело об углублении ростовского порта, расширении туапсинского и новороссийского, и улучшении второстепенных портов Ейска, Темрюка и Таганрога. Едва ли и тут можно говорить об элементах новизны в творчестве большевиков.

Мероприятия, намечаемые пятилеткой по мелиорации Края, входят собственно в область реконструкции сельского хозяйства. Последнему, поскольку именно оно является Ахилесовой пятой хозяйничанья большевиков, мы уделим отдельную главу, но о мелиорации скажем отдельно несколько слов уже сейчас для удобства изложения. В области мелиорации в пятилетке мы находим планы по трем видам улучшения земель: по осушению, обводнению и орошению.

К осушению план предназначает всего в Крае 308 тыс. гектаров. Наибольшей составной частью здесь является 84 т. гект. в Закубанских плавнях, на осушение которых на пятилетие отпускается 4,5 м. р. (всего на их осушение — 15 м. р.). Далее идут плавни Анапские, Адыгейские и др. Основные работы по обводнению план намечает в восточной части Края, особенно на прежней территории Ставропольской губ., где по подсчетам составителей плана 75% колодцев имеют горько-соленую воду. Из других мест работа должна вестись в республиках Кабардинской, Ингушской, Чеченской и Осетинской, где работа велась и раньше. Не знаем, насколько это правильно, но советские источники сообщают, что якобы еще до пятилетки здесь было обводнено 40 т. гект. Дигорской площади, окончены Терские каналы (площадь — 325 т. гект.), произведена мелиорация Гудермесской долины, и построено 11.500 колодцев, запруд и др. сооружений на 20 м. р. (сколько бы можно было построить, если б большевиков не было, — об этом советские источники умалчивают).

Орошение авторы пятилетки наметили в долине р. Калауса (25 т. гект.), в долине р. Сал (80 т. г.), в Малой Кабарде (65 т. г.) и др., — всего на площади 211 т. гект. Наиболее крупным мероприятием здесь должна явиться постройка Алханчуртского канала длиной в 190 клм. для орошения площади свыше 100 т. гект.; на его постройку в течение 5 лет предположено израсходовать 5,6 м. р. (вся стоимость — 9,4 м. р.).

В общей сложности на мелиоративные работы по плану отпускается 106 м. р., из чего 6 м. р. должно пойти на рыбо-хозяйственную мелиорацию в Азовско-Черноморском бассейне, где улов рыбы, по признанию самих большевиков „прогрессивно падает", а 7,29 м. р. — на изыскательские и исследовательские работы для подготовки мелиоративных работ в будущем (в погоне за будущим большевики очень часто забывают о настоящем, что и понятно: реальное настоящее очень часто отрезвляет и наибольших мечтателей).

Теперь, прежде чем перейти к сельскому хозяйству, рассмотрим ряд мероприятий общего характера, внесенных в пятилетний план. Одним из интересных вопросов здесь является жилищное строительство. Недостаток квартир, жилищ, домов чрезвычайно остро чувствуется сейчас в наших Землях, в связи с приливом населения и ростом городов. В то время, как по санитарной норме на одного человека полагается 9 кв. метров, у нас она составляла в 1927-28 г. лишь 5,52 м., в крупных же городах — еще меньше. План предполагает поднять среднюю жилую площадь до 6,4 кв. м. (скромно!) путем постройки 3403 кв. м. новых жилищ. Основным источником строительства должны явиться государственные средства в размере 303 м. р. Рядом делается расчет на привлечение частных средств в размере 82 м. р.; частное строительство „должно однако вестись под строгим наблюдением и контролем государства".

Такие же крупные средства план отпускает на коммунальное строительство, — 120 м. р., в том числе на сооружение Кавказского водопровода. Главные затраты здесь должны пойти на строительство водопроводное — 25,7 м. р.; водопроводная сеть должна по плану возрости с 892 клм. на 1520 клм. путем постройки водопроводов в Ейске, Темрюке, Анапе, Сочи, Геленджике, Майкопе, Миллерове, Сальске, Нальчике, Шахтах и др. „При постройке водопроводов основной установкой плана является улучшение обслуживания рабочих окраин" (характерная мысль!). 14,4 м. р. отпускается на канализацию в Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире, Новочеркасске, Таганроге, Туапсе и др. городах.

Не забывается о „рабочих окраинах" и в вопросе расширения трамвайного сообщения, на которое по плану ассигнуется 13,1 м. р. Новые линии строятся в Грозном и в Новороссийске.

Не забывает пятилетка и о строительстве... бань и прачешных (!), правда с оговоркой, что „проблемма обобществления домашних работ полностью в течение ближайшего пятилетия еще не разрешается" (понимай: „мыться не возбраняется", потом и это запретят).

Не менее грандиозны задания у нас пятилетки и в области культурно-социального строительства: „пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимости решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР и увязать план культурного строительства с индустриализацией страны, как неот'емлемую часть общего плана социалистического строительства СССР."

Первой задачей здесь пятилетки у нас является ликвидация неграмотности: 35 неграмотных на 100, которые большевики насчитывали в 1927-28 г. в Северо-Кавказском Крае, должно быть сведено, по крайней мере применительно к населению от 16 до 34 лет, к нулю; среди сельского населения эта работа должна быть выполнена в течение 2 лет; горских народов ликвидация неграмотности не касается. Интересна очередность, в которой предполагается ликвидация этой неграмотности: в первую голову идут „цветы революции" — „ударные" группы населения, к которым отнесены „сельсоветский актив, женделегатки, члены колхозов" и допризывники. В школах повышенного типа все преподавание приобретает по плану профессиональный уклон, в сельских школах — с.-хозяйственный, в городах — индустриально-технический. Обязательное обучение должно быть введено в городах уже в этом году.

План кинофракции предполагает дать на каждый населенный пункт от 3 тыс. чел. один кинематографический аппарат, поселения же от 50 дворов должны обслуживаться кино-передвижками; в первую очередь здесь опять таки должны быть обслуживаемы „рабочие окраины". Всего количество кино-установок должно вырасти за 5 лет с 136 до 308, также должно увеличиться по плану и количество радио-установок, достигнув к концу пятилетия 3873 штук, или 41 на 10 тыс. населения.

Сеть сельских библиотек расширяется на 80%, а изб-читален на 32,6% (должно быть построено 117 новых).

В своей трогательной любви к населению авторы пятилетки не забыли и о его здоровьи. Численность лечебных коек за пятилетие должна вырасти на 63,7%, % обеспеченности села районными больницами должен быть доведен до 100%, число врачебных участков возрастает в селах с 448 на 611 и т. д.

Большое внимание уделяет план развитию курортов. Северный Кавказ должен стать одной из основных здравниц всего СССР. На курортное строительство отпускается 20 м. р.

Общий бюджет здравоохранения должен к концу пятилетия повыситься до 78,6 м. (в 1927-28 г. — 30,8 м. р.), или на душу населения с 3 р. 54 к. на 7 р. 70 коп. На строительство больниц, санаторий и т. д. по плану отпускается 60 м. р.

Общая ассигновка плана на социальнокультурное строительство выражается суммой в 818 милл. руб. Все это цыфры огромные, так же могущие кружить головы неразбирающимся в них людям, как вскруживали головы в годы гражданской войны коммунистические агитаторы: — „если разделить между всеми поровну богатства князей, да помещиков, так все будем богаты".

Во всем предвидит, планирует пятилетка „бурный рост", и только расходы на административно-судебный аппарат должны в наших Землях снизиться по плану с 16% общей суммы расходов на 9,7%, — благословенная страна!

(Продолжение следует).

Др. **Эренджен Хара-Даван.**

Тупики и исходы русской революции.*)

I.

Прежде чем приступить к изложению исходов революции, постараюсь вкратце обрисовать те ее тупики, из которых не выходили с начала революции ее две крайности — реставраторы и коммунисты, чтобы тем яснее и резче были видны и логически понятны новые пути, намеченные бывшей России закономерностью исторического развития народов.

A. Тупик „Красный".

Мы видим, как маятник революции из крайне правого политического положения — самодержавия, этого наследия монгольского ханата XIII в., откачнулся до большевизма, этого духовного детища XIX в. европейской культуры.

Амплитуда колебания маятника революции в ее крайних точках поистине громадна и теперь он, упершись в них, после двенадцатилетнего „русского опыта", стремится остановиться где то между ними, на путях освобождения угнетенных народов и их национального возрождения.

Идейный взлет революции с ее „немедленным социализмом" в мировом масштабе, сопровождается падением ее в пучину бездны „чекистского подвала".

*) От редакции. Помещаемая здесь статья д-ра Э. Хара-Давана носит некоторый отпечаток евразийского учения, которому, сколь нам известно, автор уделяет много внимания. Некоторые встречающиеся в статье утверждения являются индивидуальными мыслями автора, согласиться с которыми мы не можем целиком или отчасти. Несмотря на это, мы с удовольствием помещаем эту статью, т. к. она дает пример и довольно своеобразных исходных точек и новых путей в подходе к утверждению конечной программы нашего журнала.

Гроза революции обнажает, выводит наружу подлинный „цвет и аромат" души русского народа во всем блеске ее силы и во всей тусклости ее слабостей, во всем благоухании лучших черт народного характера и во всем смердящем дуновении диких страстей и пороков.

Революцию 1917 г. пыталась возглавить за время „от февраля до октября" российская демократия, но она оказалась не имеющей корней в народе (оторванность от него российской интеллигенции была, впрочем, известна и до революции). Вместо действий, она говорила. Вся Россия за то время была как бы загипнотизирована болтавшимся над Россией „большим красным языком" Керенского, пока из этого оцепенения не вывел страну матрос-коммунист Железняк, грубым окриком разогнавший мертворожденное Учредительное Собрание, считавшееся основным завоеванием революции (без протеста с ее стороны).

Все думали и верили, что революция идет буржуазная, а одна небольшая, но сплоченная группа энергично и самоуверенно заявила: „нет, — она социальная!" и вырвала руль власти из слабых неуверенных рук российской демократии. С тех пор интеллигенция, это единое наследие периода европеизации России, растерянная, мудрствующая, многоголовая, бессильной щепкой понеслась по воле волн. Она сумела подготовить революцию, работая нелегально и „подпольно", но работать — явно, „при свете солнца" и вести за собой революцию не ей было суждено.

Пока русская демократия обнаруживала полную свою неспособность к действию и занималась „уговариваньем", российские Павлы и Иваны, „себе на уме", слушали ораторов и усиленно сорили землю российскую семячками. Их желание угадал один вождь революции, выкинув знамя с лозунгами: „воткни штык в землю" и „грабь награбленное". Ленин сыграл на утомлении войной и на максимализме русской натуры, искони склонной к бунтарству (проявленному и до того в разные периоды истории: смутное время, Пугачевщина и т. д.).

Большевики имели, кроме дерзаний, свою идеологию, хотя утопичную, но понятную массе: имели пафос идейный на своих верхах и фанатизм верующих в низах народных. Ни пафоса, ни идеологии, близкой душе народной, не было у их противников „белых", которые имели все признаки упадочного периода. А новые идеи и религии пробивают косность массы, взбудораживают ее и вербуют себе последователей главным образом своими фанатиками: не столько оружие, сколько фанатизм побеждает в гражданской войне. Наступившим упадочным периодом об'ясняется то паралитическое состояние сдававшихся красным больших центров, как Москва, Киев, Одесса, где было, как говорили очевидцы, одних офицеров больше, чем взявших город красных солдат.

Большевики, для осуществления „немедленного социализма", воспользовались мобилизованной для обороны страны промышленностью и стали декретами вводить „военный коммунизм".

Но путь „военного коммунизма" быстро оказался ложным путем, пускающим весь поезд революции „под откос". Спасает временно Ленин, выдумав полустанок „НЭП" (новая экономическая политика), который является поворотом от коммунистического тупика назад к государственному капитализму и частной мелко-буржуазной стихии. На этом полустанке большевики должны были дождаться „мировой революции", но она, после двенадцати лет, теперь дальше, чем была в 17 г.

Это главный тупик русской революции, которая в самом начале заявила устами Ленина, что коммунизм может жить только при мировой революции и торжестве коммунизма в передовых странах Европы. После многократных неудачных попыток революции на Западе, большевики попытались зажечь мировой пожар с Востока, но потерпели окончательный крах в Китае к 10-летнему своему юбилею. „Ударность" их верхов принадлежит прошлому: „Укатали сивку крутые горки".

Ставкою ва-банк был у них октябрь, приведший к Брест-Литовску, аннулированному Версалем. Второй ставкой ва-банк был военный коммунизм, приведший к „нэпу". Третьей ставкой была попытка пробиться сквозь Польшу к жаждущей реванша Германии, чтобы вместе зажечь мировой пожар революции, — она довела до Риги.

Ночь революции прошла. „Свет исходит с востока", багряной зарей новой эпохи освобождения возродившихся народов с их самобытной культурой, которая на хорошо удобренной и глубоко перепаханной революцией родной почве даст пышный расцвет.

Этих тупиков русского максимализма слева вполне достаточно, чтобы поставить прогноз его будущего: прогноз ликвидации.

Б. Тупик „белый".

Не меньше таких тупиков имеют и максималисты справа, — реставраторы. Начнем с указания на то, что все, вплоть до некоторых великих князей, великую „бескровную" революцию встречали с радостью. К удивлению революционеров, революция не встретила никакого физического отпора даже со стороны старого правящего класса: бюрократии, дворянства и буржуазии, т. к. он сгнил раньше, еще до революции, и теперь наступил период упадка его.

Пора признаться откровенно, что ядро, центр России, Великороссия, сознательно или бессознательно, но добровольно приняла советскую власть; с первых же шагов, с большею частью офицерства и интеллигенции, способствовала ее установлению и укреплению.

Сопротивление и отчаянную борьбу встретила советская власть только на периферии, на окраинах государства.

На юге борьбу вели казаки, инородцы, украинцы; на западе у Юденича „инородцы" (эстонцы) с русскими, в Сибири — чешские легионы, казаки и опять „инородцы"; русских (великороссов) было, сравнительно, мало. Большей частью движения эти возглавлялись присоединившимся к ним великорусским офицерством с высшим командованием и их старыми общественными деятелями. Этот противоестественный союз разных по содержанию, противоречивых по идее элементов, при бесталанности политического и военного водительства „белых", — дал победу красным. Пафосу и идеологии, хотя бы утопическим красных, „белые" не могли противопоставить ни программы, ни пафоса, кроме стыдливо скрываемых целей реставрации имущественной и политической.

Лозунг ген. Деникина „единая, неделимая" не встречал сочувствия у борцов с окраин, которые мечтали одни об автономии другие о федерации, а третьи о национальном самоопределении и государственной самостоятельности по программе Вильсона. Решение национальной проблемы „белыми" таким образом оказалось неприемлемым для окраин. Против этого лозунга белых, красные выкинули — „самоопределение народов вплоть до отделения". Хотя целиком они этого не дали, но осуществили в обрезанном виде кое где еще в процессе борьбы, а не откладывали до „Учредительного" или „Земского Собора", как это делали белые.

Белому движению возглавители его хотели придать характер патриотический, упуская из виду, что патриотизм не связан с формой правления или с социальным устройством страны. Патриотизм уместен только в борьбе против притязаний иностранцев: во время гражданской войны генералы Брусилов, Гутор и Клембовский у красных, ген. Деникин у белых — одинаково призывали к патриотизму.

Белое движение, начатое в августе 17 г. с большой искренностью ген. Корниловым, было задушено в самом начале не красными, а белым же Керенским, при пассивности либеральной российской буржуазии и враждебности революционной демократии. Уже тогда собственно пал пафос дальнейшего белого движения.

Русская буржуазия не проявила жертвенности в лице помещиков, банкиров и промышленников. Организованная под названием „московский центр", она отказалась давать деньги на белую армию (прислали ген. Алексееву всего 5.000 рублей, в обесцененных революцией бумажках!) в то время как московский купец Савва Морозов пожертвовал до революции огромное

свое состояние на дело помощи русским революционным организациям.

Имущие классы пытались без всяких жертв завладеть тем, за что „белые“ отдавали свою жизнь. Отказываясь добровольно отдать часть своего достояния белым, они без сопротивления отдали все по требованию коммунистов.

Белое движение было погублено теми, кто стремился к защите своих классовых интересов под прикрытием национальных идей, а вожди белых исходили не из факта революции, а из непризнания ее, почему и оказались оторванными от народных масс и их желаний; поэтому белые, встречаемые хлебом-солью до Орла, когда уже надеялись услышать „звон московских колоколов“, повернули назад, провожаемые проклятиями и выстрелами в спину, пока не „опрокинулись в море“ у Новороссийска и в Крыму.

Белые вожди искали поддержки в среде той либерально-демократической общественности, которая заполняла ее тыл и обозы, но она сама оказалась не имеющей органической связи с народом и потому не могла одухотворить, дать идеологию и пафос белому движению, оказавшемуся „худосочным“; вообще эта общественность сама оказалась изжитой в революции за время „от февраля по окрябрь 17 г.“

В гражданской войне сила лежит не столько в боевой мощи, сколько в способности привлечь на свою сторону активные элементы населения, своей идеологией заставить красные части повернуть штыки против коммунистов; вместо же этого в период Деникина пытались левыми (ка-де) людьми проводить правые мероприятия, а в период Врангеля правыми людьми хотели вести левую политику. Не было искренности, а без нее нет пафоса борьбы, — а для победы в войне, в особенности гражданской, нужен пафос, энтузиазм массы народной; эти элементы играют большую роль, чем количество бойцов.

Остатки белых „по команде“ сели на пароходы и рассеялись в эмиграции. Терпеливо вот уже 10-й год ожидают они новую команду „слушай, поход“, которая вновь снабдит их отобранным оружием, посадит на суда и отправит в обратный путь. В ожидании этого приказа и нужно было оставаться в составе „армии“, продолжать повиноваться „вождю“ и как нибудь дожить до „возвращения“.

Пережила эмиграция серию „весенних походов“ каждый раз с большими разочарованиями, чем раньше. Пережила и „американские пароходы“ ген. Краснова, с образцами животных для разводки на „опустошенной красными родине“, — подобно Ноеву ковчегу. Пережила эмиграция также ставку „на истощение и голод“, т. е. на „мертвую Россию“, признанную теперь монархистом В. Шульгиным, ездившим в Сов. Россию, чрезвычайно вредной. Также пережила ставку на диктатуру в борьбе с диктатурой.

Враждебное отношение к „приспособившимся“ культурным работникам и „спецам“ теперь сменилось благожелательным отношением, как видно из письма ген. Деникина „туда“ краскому.

Дольше всего переживает эмиграция — возможность иностранной интервенции, поделившись в этом вопросе на два лагеря — за и против. У крайне правых ставка на интервенцию, а от б. Главковерха Керенского до б. главкома ген. Деникина, стоящих на линии примиренчества, ставка на эволюцию большевизма.

Когда правая эмиграция увлеклась „интервенцией“, левая начала увлекаться способами мирного возвращения на родину путем соглашения с советскою властью, появились „сменовеховщина“, „пешехоновщина“, „кусковщина“ с ее лозунгом: „засыпайте ров гражданской войны“ и вообще „возвращенство“, также ни к чему не приведшее.

На требование не политической части эмиграции, рядового беженства, об об'единении всей политической эмиграции, была устроена попытка в виде Зарубежного с'езда, но туда не пошли левые, начиная от Милюкова, а из собравшихся правых стали уходить группы одна за другой, так что вместо об'единения, получилось доказательство полного раз'единения.

Эмиграция политическая об'единиться может (и то с большим трудом) на одной только отрицательной программе: на свержении сов. власти, — для последующего же времени у каждой из разбитых революцией партий, вернее у бежавших за-границу „штабов старых партий,“ имеются у каждого свои рецепты для устройства России, поэтому все они готовятся вступить в жестокую борьбу между собой там на родине, после освобождения ее от большевизма.

Заграничные штабы разбитых революцией российских партий, надеющиеся или на сохранение чистоты партийных риз своих приверженцев на родине, или на старое мировоззрение оставшихся там, упускают из виду то, что великие революции бывают ознаменованы духовной встряской, не оставляющей камня на камне в прежнем миросозерцании и мироощущении как „верхов,“ так и „низов“ народных. В этом смысле великие революции, как русская, сходны с эпохами зарождения новых мировых религий или учений.

(Продолжение следует).

Шамба Балинов.

Казачье сегодня.

На страницах журнала „В. К.“ уже писалось, что русские крестьяне и русские рабочие являются основой и защитой советской власти и говорилось почему.

Эти самые положения теперь полностью подтвердил „спец“, приехавший два года тому назад из СССР и выступавший на днях в Праге на публичной дискуссии по докладу о „коллективизации“. Этот „спец“ (некий Петровский) отрекомендовался, что он из Черниговской губ., до революции был очень богатым человеком, при большевиках он занимал высокий пост — старшего контролера Черноморско-Каспийского флота и по своему служебному положению вращался в различных сферах советской общественности: в центре и провинциях, в самых высших советских кругах и среди рабочих и крестьян.

И что же он говорит?

— Я уже два года вращаюсь среди эмигрантов, — говорит он, — и все время никак не могу освободиться от чувства, что я попал на луну. Эмигранты, люди чрезвычайно далекие от понимания действительной жизни СССР, не знающие ее, ведут бесконечные, нудные теоретические, чисто книжные споры...

В эмиграции все ждут какого то внутреннего восстания, свержения большевиков своими внутренними русскими силами. По моему, это величайшая наивность, чтоб не сказать больше. Кто будет свергать большевиков? Рабочие? Никогда! Для того, чтобы знать такое бесспорное положение, надо только уметь слагать и вычитать. Сколько получал рабочий до революции? Гроши. Квалифицированный рабочий получал 50—60 руб. в месяц, а бюджет простого рабочего сплошь и рядом не превышал 15—20 руб. в месяц и он влачил жалкое, полуголодное существование. А теперь, помимо сносной в сравнении с другими, заработной платы, рабочие обладают всеми городскими домами и бюджет его сейчас определяется сотнями рублей.

Восстанут крестьяне? Не меньшая наивность! До революции огромный процент русского крестьянства влачил жалкое существование. Крестьяне, мои соседи по губернии, имели по 4—5 десятин земли, а десятина земли стоила максимум 3—4 рубля. Следовательно, доход таких отдельных крестьянских хозяйств не превышал 14—15 руб. А таких хозяйств было большинство.

Правда, и теперь положение крестьян незавидное, но им обещают лучшее будущее и крестьяне этому верят. Для этого создаются колхозы, которые пользуют-

ся всеми льготами, огромной государственной помощью. Конечно, какой то процент зажиточных крестьян этому сопротивляется, но они советской властью поставлены в такие условия, что в конце-концов должны будут физически исчезнуть. И напрасно здесь, в эмиграции, кричат, что большевики губят миллионы человеческих жизней („кулаков"). На это большевики идут сознательно, ибо по их теории „в царство социализма можно войти только через трупы". Этим вспомогательным средством, ведущим в царство социализма как раз и являются трупы миллионов „кулаков".

Здесь, в эмграции, любят много говорить о любви к Родине, России, о чувстве патриотизма, о национальной чести русских людей. Подобные заявления в СССР способны вызвать только улыбку. Я десять лет жил в СССР, из'ездил его вдоль и поперек. Но, никогда и нигде ничего подобного на русское патриотическое чувство я не слышал. Там люди живут и интересуются исключительно вопросом желудка и ни о какой любви к России даже не думают. И это вполне естественно. Посмотрел бы я на любого из вас, о чем другом вы стали бы думать и заботиться, когда у вас в желудке в течение десяти лет был бы постоянный великий пост?

Интересное явление. До революции русская интеллигенция, в том числе я сам, жила хорошо, всего было вдоволь, но вместе с тем сколько было самоубийств. Но вот пришли большевики, с ними пришла страшная нужда: голод, холод, различные болезни. Мерзли, питались корой, собирали падаль, ночи напролет простаивали в очередях, чтоб получить там какие нибудь полфунта дрянного хлеба. Я сам много раз видел в Москве на Рязанском вокзале в зимнюю стужу десятитысячные очереди в ожидании какой то ерундовой получки. И ни одного недовольства, ни малейшего ропота, полное смирение со своим положением и ни одного самоубийства. И это потому, что жизнь стала интересной.

Эмигранты очень любят говорить, что большевики все разрушают. Верно, но они, разрушив, создают новое. Вы все знаете, как была развалена армия, а теперь посмотрите на красную армию! Все фабрики были развалены, машины все разрушены, рабочие разбежались. А теперь? Государственный аппарат был разрушен до конца, до основания. Вы представить себе не можете, что было в начале. Был сплошной ужас. Страшно было ходить в государственные учреждения. Везде и всюду сидели какие то хулиганы, разбойники с большой дороги, ничего о государственном деле непонимавшие. А теперь государственная машина работает без всякого перебоя. И так во всех областях государственной жизни.

— Так, примерно, говорил этот приезжий русский „спец".*) Он не делал никаких определенных выводов, но они сами собою напрашивались: полное и абсолютное отсутствие у русских людей здорового национального чувства, искреннее, на экономической основе, примирение и защита большевиков. Сам этот „спец" своей персоной являл яркий пример типичного русского интеллигента, у которого отсутствовало и отсутствует здоровое национальное чувство, любовь к своей Родине. Сильное дрожание рук, суетливая и ежесекундная смена очков, нервное ерзание на стуле и вся его сморщенная фигура красноречиво свидетельствовали о беспредельной забитости русского человека, всегда и мучительно думающего только об одном: чем бы поплотнее наполнить желудок, как бы улучшить свое личное существование. Все это для того, чтобы сохраниться живым, чтобы посмотреть на „интересную жизнь", на планетарный социальный эксперимент.

Что русские люди в огромном большинстве так относились и относятся к большевикам, мы знали и раньше, — утверждения этого „спеца" являются лишь лишним подтверждением этого. К сожалению, он не сказал ничего об отношении к большевикам других народов. Очевидно, говорить об этом не входило в его расчеты. Но мы знаем подлинное отношение этих народов к большевикам. У этих народов — казаков, горцев, калмыков и других восточных народов — религия, семейный быт, национальное чувство оказались настолько сильными, крепкими, что большевики, несмотря на все свои ухищрения, страшные гонения в течение вот уже 13 лет, ничего с ними сделать не могут, пока эти народы физически будут существовать.

Вот почему совершенно не случайно, что „сплошная коллективизация" в первую очередь проводится в Северо-Кавказском крае, в частности в Казачьих Краях. Можно подумать, что это — дьявольский план физического уничтожения Казачества, столь ненавистного большевикам, ибо полное осуществление коллективизации в Казачьих Краях — значит полное физическое уничтожение казаков, но только, так сказать, на точном основании законов.

Казаки в своем огромном большинстве являлись и являются сельскими хозяевами, имеющими (вернее — имевшими!) в достаточной мере живого и мертвого инвентаря для ведения самостоятельного хозяйства. По большевицкой классификации все такие хозяйства относятся в разряд „кулацкого". Согласно же закона о коллективизации, „кулак" не имеет права входить в колхозы, а индивидуальные хозяйства поставлены в такие условия, что абсолютно нет возможности жить.

В какое же положение попадают казаки на своей родной земле? В колхозы идти лишены права, а вне колхоза жить невозможно. Остается как будто только один выход: голодная смерть. Но, услужливый ум большевиков приходит на помощь казакам, ибо они милостиво разрешают „кулакам", в данном случае казакам, вступать в колхозы, но только где нибудь далеко от своего края.

Таким образом, казакам остается два выхода: или голодная смерть или уезжать подальше от своей родной Земли. И это не проект там какой нибудь или план, а горькая действительность, трагическое казачье сегодня, неумолимый факт жизни.

И, конечно, как бы велика не была любовь к Родной Земле, как бы сильно ни было национальное казачье чувство, но принимать бессмысленную голодную смерть мало кто пожелает и казаки вынуждены будут уходить из своих Родных Краев, а их места будут заполняться пришлым неказачьим элементом.

Вот где грозная опасность, так непосредственно нависшая над Казачеством. Вот почему всем казакам, для кого дорого и священно родившее их Казачество, должно об'единиться и, не откладывая, немедленно искать путей и возможностей спасения Казачества от надвинувшейся на него смертельной опасности.

Будут ли казаков ругать, что они ищут иностранной помощи, будут ли русские „патриоты" клеймить казаков „позором", что они ценою расчленения несуществующей „Великой России" хотят спасти родное Казачество, жизнь и душу своих братьев, сестер, — пусть! Предоставим мертвым хоронить мертвых. Но, живые казаки должны спасти в смертельные тиски зажатое, в предсмертных судорогах дрожащее Родное Казачество! Все средства хороши для спасения гибнущего Казачества! Оно заслуживает, чтобы его спасли какою угодно ценою!

Врожденные пессимисты говорят и твердят, что это безнадежное дело, что никто казакам не поможет, что Казачество — пережиток прошлого, анахронизм и теперь оно должно исчезнуть, подпав под общую русскую нивиллировку. Другие казачьи „умники" неустанно твердят, что если какое нибудь государство поможет казакам освободиться, то за эту помощь оно потребует, мол, огромную плату, экономически закабалит и т. д.

Пусть! Ведь ходячая избитая поговорка говорит: „деньги дело нажитое, об них нечего тужить". Будет спасено Казачество, будут живы сами казаки — будут и деньги, будет чем и платить за действительную освободительную помощь.

Но, если казаки послушаются этих „умников" и „пессимистов", то нет сомнения, большевики просто физически уничтожат казаков. Тогда казаки, конечно, никому ничего не будут платить, экономически будут совершенно „свободны", но казака физически, но казачьей души, но Казачества — не будет.

Конечно, кому как. Вкусы и желания бывают различные. Я лично предпочитаю быть живым хотя бы за это кое что и пришлось платить. Но к несчастью, есть еще некоторые „разумные" казаки, которые предпочитают быть мертвыми, но за то никому ничего не платить.

*) Как напоминает это В. В. Шульгина! (Ред.)

Александр Пивень.

Казаки.

(Литературно-художественный набросок).

I.

„Казачество... Казаки... Не колеблюсь сказать: на мой слух — это звучит гордо".

Н. М. Мельников „Казачество".

Казак — удалая, отважная, неустрашимая голова.

Казак — лихой, смелый, неутомимый наездник.

Это воин с головы до ног, от рождения до смерти.

По первому зову бросает казак свои мирные занятия, в два три дня собрался в поход, а на четвертый — уже несется на своем степном коне-скакуне и первым является на бранное поле.

В походе и на фронте он терпелив, вынослив и неприхотлив: на ходу, на́скоро ест, очень мало спит всегда на чеку́, постоянно готов броситься на врага.

Чем казак силен и крепок?

Он крепок своей вековой, неизменной дружбой с конем.

Сильнее этой дружбы на всем свете нет.

Верная жена — драгоценный друг в доме: она скрашивает всю жизнь казачью.

Однако бывает, что и такая жена изменит.

Только верный конь крепок в своей дружбе и не изменит казаку никогда.

Казак и конь — это одно целое, удивительное, прочное целое, в особенности, в походе и на войне.

И потому казак может провести на коне бесконечное число дней, не чувствуя утомления, не зная отдыха.

Но он также способен не один день пролежать вместе с ним в кустах, в камышах, не скучая, не теряя бодрости, и зорко следить за врагом.

А посмотрите, каков казак верхом на коне: сидит— не качнется, как прирос, будто родился вместе с конем.

Посадка бодрая, живая, без конца удалая: грудь вперед — колесом, плечи назад, голова запрокинута, шапка на самом затылке.

Но он и без коня скор и подвижен, как вьюн; гибок, как молодой стебель, как прибрежный тростник.

Ходит скоро, в припрыжку, сидит мало, но очень любит лежать на земле или на зеленой травке.

Глядит смело, открыто: глаза смеются, а на лице бойкая, но очень добрая улыбка...

II.

„И пойдет дымом по свету о них слава".

Гоголь. „Тарас Бульба".

Не знатен казак своим родом, происхождением, а прославился на весь свет.

Но кто же такой казак? Откуда он? Какого роду и племени?

Не спрашивайте об этом казака: на такие вопросы вы услышите только один неизменный ответ:

— Кто ты такой?

— Казак.

— Какого происхождения: роду и племени?

— Казачьего.

— Ну, а какого звания или сословия?

— Казачьего.

— Да кто же были твои предки: отцы и деды?

— Казаки.

Казак никогда не занимался еще своим родом или происхождением.

Только одно знает он твердо, что он сам — казак, что отцы и деды были такие же казаки, и с гордостью и достоинством носит это имя.

Казак — вольный человек, никогда не терпевший над собою чужого владычества, не знавший рабства.

Свободный телом и душой, воинственный отпрыск древнего славянского народа.

Это сын бесконечных степей, вольный, как воздух, свободный, как ветер.

Широкая степь его воспитала, взрастила; земля-мать родная поставила на ноги, вскормила.

И потому в деле ратном казак надоедлив, как ветер, беспокоен, как вихрь: является там, где его не ждут, врывается туда, где его не просят.

Опасен казак на войне, страшен в битве и схватке: стреляет в самую точку, колет насквозь, рубит со всего плеча — на-двое.

От него не спасешься, не укроешься: бегущего настигнет — приколет, лежачего в полон возьмет.

Таков казак на поле ратном и своей доблестью и удалью прославился на весь свет.

III.

„Казак никогда не унывает, он и на войне песни играет".

Народная казачья поговорка.

Но правду ли говорят, что казак лют и кровожаден, что он дик и жесток, как зверь лесной?

Нет, неправда.

Так говорили и говорят только недруги казачьи, да еще те, кто казаков никогда не видел и не знает.

Все это неправда и злостная выдумка.

Совсем наоборот: казак — душа-человек.

Простой, сердечный и обходительный.

Никого без нужды он не обидит, а со всяким обойдется по-братски, по-человечески.

Мало того: у него всегда можно найти помощь и защиту, он горой станет за всякого слабого и обиженного.

Только в битве и схватке он ловок, как бес, и страшен врагу-противнику; но на бивуаке, во время отдыха, он весел и добр, как дитя, а всякого пленного накормит и напоит — последним поделится.

Казак не только отличный воин, но он всегда надежный и хороший товарищ.

На него во всем можно положиться, как на самого себя.

Уж он не выдаст и не изменит, а случится кому беда, так без зова кинется на выручку.

Казак каждому друг и приятель, со всеми веселый собеседник.

Веселость и приветливость вошли у него в привычку, бодрый и шутливый тон редко сходит с его уст.

Ради этого, не любит казак молчать и серьезничать: когда он в компании — шутит и беседует, когда сам — песни поет.

Ох, и большой он мастер песни петь!

Видно от самой природы — соловьиной породы.

Как среди птиц соловей наилучший певец, так среди людей казак первый песенник.

От колыбели до глубокой старости не расстается казак с песней: она постоянная спутница его беспокойной казачьей жизни.

И если нет у него супротивников на коне да в седле, то нет и соперников в хоровой песне.

Доказал это казак на деле: дома он пел, только своих веселил, а заграницей запел все рекорды побил.

И прославился казак даже в изгнании, в тяжелой эмигрантской жизни.

Не ратным искусством, не военно-боевой удалью, а дивной, чарующей песней, да лихой казачьей джигитовкой и лезгинкой.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Думы и мысли.

Казачий голос.

Сюда, за океан, проник русский „Голос“. Не подлинный русский голос, а черносотенный, раздающийся на улице „Царя Самуила“ в Софии, русский „Голос“ в ковычках, №. 201. Вот на этот русский „Голос“ и хотел я подать свой казачий голос из Канады.

В упоминаемом номере, неизвестный „ура-патриот“ из типа былых питомцев „Союза Русского народа“ дает в соответствующем тоне описание „Іудина праздника“ — так называет он юбилейный праздник журнала „Вольное Казачество“. Этот тип, постыдившийся под свое сочинение дать свое имя, первым долгом, видимо, возмущен тем, что И. С. Бойко в подкрепление генерала Быкадорова приводит примеры, как национально проснувшаяся казачья молодежь, называет свои организации именами бессмертных для Казачества Булавина, Разина и т. д. Видимо этому патриоту еще непонятно, как это такими именами можно называть станицы или какие либо другие организации, т. к. эти имена, по мнению таких писак, все еще относятся к числу имен „разбойников“ и „бунтовщиков“.

Надо иметь в виду всем подобным патриотам, что имена Булавина и Разина всегда были и будут именами народных героев, воспетых в песнях не только казачьих, но и русских и даже иностранных. Несмотря на усилия русских казенных историков, старавшихся под прикрытием своей ученности закрепить наших народных, национальных героев, борцов за Казачью Свободу, как разбойников, имена их в сердцах народа увековечены прочно. А потому называть в честь их станицы и вообще казачьи организации не только без стыда и страха можно, но и должно. Ведь для русского народа и Каледин, и Караулов, и Дутов тоже „бунтовщики и бандиты“, ибо „народ богоносец“ (не потому ли, что история предвидела, что он понесет Богов на костер по приказу коммисаров), привыкший к кнуту и правлению и монголов, и немцев, и поляков, и, наконец, евреев и грузин, может кого угодно возводить в Бога и кого угодно предавать. Я хочу сказать, что если русские могут называть свои города и улицы именами Екатерины, Павла, Петра, Аракчеева и др., то почему же мы не можем делать то же самое с именами наших, казачьих героев и патриотов, живот свой положивших за судьбу своего народа.

А потом этот „патриот“ перечисляет имена руководителей и работников Вольного Казачества и рекомендует брать на мушку их, на случай, если их работа по освобождению Казачества из под ига русского народа будет грозить реальным осуществлением. Должен предупредить неизвестного автора, что мушка будет и у нас и чья метче, вопрос спорный. Только должен сказать, что выпад автора, перечислившего Вольных Казаков в Болгарии с указанием их адресов, очень хорошо характеризует его натуру, из за угла, скрываясь, старающегося нагадить человеку. В этом отношении, взятые им на мушку Билый, Быкадоров, Балыков и Аршинов и „вольноказачьи гуси“ в Болгарии представляют полную противоположность автору, так как они, открыто и смело, с поднятым забралом делают свое дело, видя в этом свой долг перед своим народом. Такая смелость и чувствование своей правоты кое за что говорят.

А вообще я говорю вам, г. г. русские патриоты, — предоставьте нам, казакам, самим знать и самим судить деяния наших людей и самим решать вопросы нашей судьбы. Представьте себе, что я не самостийник, но не могу спокойно выдерживать вашего грязного лаптя над телом и душой Казачества.

Е. Булавин. (Канада).

Христос Воскрес!

Где-то, в милой церкви далекой, у иконы нет мира тихого и радостных молитв. Склонясь, в молитве плачет мать... Не время литургий — идут годины битв. Христос, нас не вини, когда Твои заветы, попранные, в грязи лежат уже давно, — мир создал для себя иные амулеты; мир отуманило безумия вино...

И снова грезятся давно прошедшие мгновенья. И слышится певучий колокольный звон... Казалось, — слышится повсюду пенье... — То мой привольный, мой родимый Дон...

Христос Воскрес!.. Не любим мы врагов, как Ты учил, Спаситель... Звериная тоска по родному Дону у нас... В сердцах Твоих людей живет голодный мститель... И молча смотрим вдаль. И ждем желанный час... И дивные слова — Христос Воскрес! — как прежде, в полночь запоем могуче...

В. Орехов. (Морава).

Услышь, Господь!

Услышь, Господь, мое моленье, услышь мой скорбный глас: пошли Кубани избавленье, верни свободу ей и нас. Помилуй, Господи Всевышний, помилуй милую мою Кубань, истерзанную ныне... Пошли, что было в старину... Чтоб восседал там всенародный казачий Батько Войсковой; чтоб жил казак всегда свободный, не угнетаемый Москвой. Чтоб гордо знамя развивалось, свободу чувствовал весь Край; чтоб сердце больше не сжималось; чтоб был у нас земной казачий рай!

Вахм. Д. Тырин. (Германия).

Наша молитва.

Отче небесный, Господь Всеблагий, — час для борьбы настает роковой. Казаков Ты помилуй, казакам помоги, горькую долю Ты их облегчи... Не вмоготу им больше терпеть в чужине, по казачьим краям изнывать в долгой тоске...

...Бог подкрепит, даст силы им снова терпеть, чтоб в нужный момент гордо за Вольность свою умереть...

Г. Алферов. (Югославия).

Кубань.

Рідна мати, наша ненька, Кубань річенька рідненька, протікаєш ти давненько по горах-степах довгенько; а в мутній своїй воді несеш багато ти козачої крові... Чула й дивувалась козачій ти силі, як по березі твоєму селились станиці; як край ширився, розвивався, мов весняний той квіточок роспускався; як старі ті козаки край свій лаштували, як козачу старину вони шанували...

Течеш далеко ти, Кубане,- аж у синє море: там з водою, хвилею морскою, обіймаєшься, цілуєшься, як мати з дочкою... Россказуєш нашу славу, — дідів старих славу... Подивлюсь я навкруги, — гарно те згадати, — край веселий, степ широкий, квіточками вбраний.

Та й батьків іще не сором нам тут пригадати: і вони хазяйнували, край свій зберігали; добре старі потрудились, щиро Богові молились, не можна Господа гнівати, жили ще козаки умиті. Та москалі не забули,—стало їм завидно, що живе козак в станиці, добре господарить, має гроші та пшеницю, нікому не зважить...

І прийшла лиха година, чи може ті люде — той москаль, що сіє лихо... А що не воно буде?.. — Довго билося козацтво, не жаліло сили: боролося, рятувало хуторі й станиці. Та не сила було бідним, не поталанило... Ростоптали ж москалики Кубань недобиту, синів вірних її любих в греблі погатили...

А згадаю, — нема кращого від тебе, Краю мій коханий. Тяжко жити між чужими, тяжко сльози лити... Почекаємо... Може й діждемось, що знову рідну землю боронити станем міцною стіною...

Грицько Таманець. (*Югославія*).

Иностранцы о СССР.

Большевицкое государственное строительство.

Преследования крестьянского населения в России является результатом неуклонного проведения в жизнь известного пятилетнего плана, имеющего относительно земледелия целью опролетаризировать крестьянское сословие в целой стране, лишить его частного имущества и загнать в колхозы, чем и должно быть завершено социалистическое строительство советского государства.

Нельзя забывать, что Россия есть дословно крестьянская страна с 80% земледельцев и что этот грандиозный народно-хозяйственный переворот касается наибольших глубин всей государственной системы. Для такой существенной перестройки всех хозяйственных и социальных отношений едва-ли бы было достаточным пятьдесят, а не пять лет, как то так неуклонно предназначило сов. правительство. Потому именно тот безумный, бессмысленный спех, с которым производится ломка во всех направлениях народного хозяйства, касается-ли она земледелия, промышленности или торговли.

Эта ломка не обусловлена никакой государственной или логической необходимостью, но лишь упрямым осуществлением утопии коммунистического государства будущего.

Ни один народ в мире не позволил бы своему правительству так сесть себе на шею и не стал бы таким его рабом, как это мы видим в Совдепии. Если бы подобный эксперимент производился в малом государстве, как например в Албании или в Монако, от этого не произошел бы так уж большой народно-хозяйственный ущерб. Если же однако это происходит в наибольшей на свете державе, занимающей одну седьмую часть суши земного шара и при том еще в течение 5 лет, то и при совершенно беспристрастном обсуждении этого опыта, толкающего великий народ против его воли в опасную и угрожающую экономической катастрофой авантюру, надобно прийти лишь к одному заключению, что „пятилетка“ может легко привести ко всеобщей, для русского народа на многие лета, роковой катастрофе.

В конце концов пятилетний план, выдуманный Кржижановским, не является каким либо глубоко продуманным направлением организационной государственной деятельности. Этот план должен прежде всего отвлечь внимание своего населения и заграницы от ужасающих и невозможных условий, душащих советское государство. Это только искусственное продолжение экономической агонии, в которой сегодня находится советское правительство. Это смелая ставка va banque на последнюю карту.

Все, что это правительство от своего возникновения и до ныне предпринимало, был лишь ряд экспериментов. Как только лишь один из них проваливался, сейчас же переходили к другому. Первым опытом был военный коммунизм; когда же с ним не шло, перешли к „Нэпу“ и была издана целая масса законов, а между ними и новый об'емистый земледельческий закон (кодекс). Однако, все эти законы, едва соприкасались с практической жизнью, должны были постоянно изменяться, дополняться или отменяться. Невероятно как скоро при этом одновременно изнашивались и передовые советские деятели, наконец и такие столбы большевизма как Троцкий, который был насильственно „вычищен“; недалеко от того был и Бухарин, Томский и Рыков.

Теперь все до сих пор приобретенные достижения забрасываются и снова переходят к воинствующему коммунизму. Причина, почему был вычищен Троцкий, теперь в конце концов делается руководящей государственной идеей. С неумолимой последовательностью уничтожается каждое частное имущество, а „кулаки“ (зажиточнейшие крестьяне) обрекаются на полное истребление, что с беспримерной брутальностью и проводится в жизнь.

Из всех предыдущих советских экспериментов пятилетний план, который теперь должен наконец сократиться на четырехлетний, есть наиболее роковым. В течение этого четырехлетнего периода советское правительство, или лучше сказать, лица руководящие коммунистической партией, намерены ликвидировать „кулака“, как „классового неприятеля“ и создать в огромных размерах коллективизацию теперешних сельских хозяйств. Это касается главным образом хлебных районов, которые до сих пор показывали излишек хлеба, вывозимый на рынок. В этих именно районах должна быть проведена сплошная (стопроцентная) коллективизация. Это: среднее и южное Поволжье, Северный Кавказ (Кубанская область), южная часть Украины, потом Крым, Зауральская область и Сибирь. В перечисленных областях живет много зажиточнейших крестьян („кулаков“), которые больше всего противятся продаже хлеба советам за установленную правительством цену. Потому ныне против них направлена неумолимая борьба под лозунгом их совершенного уничтожения „как класса земледельческого люда“.

Колхозы должны не только вознаградить нынешние кулацкие хозяйства, но еще их и превзойти в зерновом производстве, в скотоводстве и в возделывании особых культур. Причина этой спешной „социалистической перестройки земледелия“ и такой жестокой борьбы с зажиточными крестьянами ясна.

СССР находится в состоянии большого продовольственного кризиса. До сих пор надо было добывать хлеб по селам насилием (экспроприациями) у средних и состоятельных крестьян. Это было связано с значительными затруднениями. Поэтому советское правительство провозгласило новый лозунг: „Заменить кулака колхозом“. Это значит, что нынешнего беспокойного производителя сельских продуктов надо удалить с русского рынка, а с использованием его собственного у него отобранного мертвого и живого инвентаря надо организовать хозяйство коллективное, которое будет совершенно в руках советов и даст возможность предупредить какой бы то ни было умысел саботажа или оппозиции крестьянства.

Опыты с устройством колхозов продолжаются уж несколько лет. Первоначально предполагалась, кроме того, и организация больших государственных латифундий (совхозов, т. е. советских государственных поместий), которые назывались также „хлебными фабриками“, каковые должны были заменить работу крестьянина, которого нельзя было убедить в выгодности коллективного хозяйства.

Как и можно было ожидать, совхозы не оправдали себя; выяснилось, что государственные экономии, управляемые советскими чиновниками, были весьма невыгодными предприятиями, которые в самом непродолжительном времени сожрали бы сами себя, не говоря уже о какой либо доходности. После опыта с совхозами, советское правительство убедилось, что в земледелии без крестьянина все же не обойтись. На устройство „хлебных фабрик“ нельзя полагаться также и на том основании, что цена производства хлебных злаков, выращенных в этих государственных предприятиях, была тройная, даже и четверная, сравнительно с ценами хлеба, производимого крестьянами, несмотря на то, что эта цена по вычислениям советских специалистов в предварительной смете достигала только половины цены крестьянского хлеба. Примем ли во внимание последствия приводимого теперь в исполнение пятилетнего плана, мы должны прийти к ужасающим выводам.

Для осуществления этого плана необходим прежде всего огромный капитал, которого в СССР нет. Необходимые издержки для осуществления „пятилетки“ были исчислены в головокружительных цифрах — 87,000.000.000 рублей. Это сумма предварительной сметы. Действительные издержки были бы, естественно, еще далеко большими. Где такие деньги в теперь так обнищавшей стране взять? Все государственное и частное богатство, когда то большевиками беспощадно национализированное, разошлось: ныне нет по нем и

следа. Оно было поглощено ужасной не экономностью государственного управления, недостаточно контролируемого, и расходами на политическую агитацию, целью которой было во что бы то ни стало в целом свете разжечь революцию. Революции до сих пор нигде нет, зато, однако, миллиарды народных денег исчезли навсегда.

На заграничные кредиты тоже нельзя расчитывать, так как сегодня никто большевицкому правительству ничего не даст. И вот остается только единственный способ добыть те огромные деньги, в которые обходится советское хозяйство; насилием выдрать последний грош у населения, потому что от внутренних займов, от которых население теперь уже с омерзением отворачивается, нельзя ничего ожидать. Это единственная из главных причин, почему советское правительство так решительно взялось за истребление „кулаков". Деньги отчаянно нужны, а негде их взять. Потому набрасываются на все, что попадет под руку. Организовывают „ударные рабочие бригады", которые ночью нападают на спящих обывателей и отбирают у них деньги, драгоценности, в конце концов обручальные кольца и вырывают золотые зубы. Россия перед войной была так богата, что и теперь еще, при состоянии обнищания, можно у населения много чего еще отобрать насилием. Поэтому над несчастными „кулаками", которых около 7—8 миллионов, совершается такое возмутительное бесправие, что они из своей прежней зажиточности еще кое что сохранили. Это последние остатки былого богатства, но одновременно и последний источник внутренних доходов.

Крестьяне в СССР скоро перестанут существовать как самостоятельное сословие, будут загнаны в общие казармы, где будут постоянно на глазах чекистов, умышленно между ними помещенных. Они станут только земледельческими рабочими, выданными на милость и немилость советам и работающими им за стол и квартиру. Несмотря на то, что им обещано из доходов колхозов по покрытии издержек, налогов, разных отчислений и аммортизаций, выдавать какой-то процент в деньгах или талонах на товары, можно себе легко представить, много-ли при таком сложном, дорогом и к постоянному дефициту обреченном хозяйстве они могут получить. Печальнее всего при этом то, что своей рабской работой, перед которой бледнеет и былое крепостничество, крестьяне должны будут содержать и советских опричников, которые будут их караулить.

Из свободного народа постепенно образуется бессильная масса несчастных, безвольных рабов, не имеющих никакого влияния на устройство своей собственной жизни.

Под предлогом социалистического государства в России будет воскрешен новый абсолютизм, более жестокий, чем все прежние, тираном которого будет новый Иван Грозный.

(Чешская газета „Народная политика").

Казачья пресса.

Журнал „Родимый Край".

(Отдел литературный).

Нет сомнения, что редакция „Вестника Казачьего Союза", переименовывая этот, чисто информационный, типа былых „Донских Областных Ведомостей", орган названием популярного, поэтического произведения казачьего писателя и превращая его в журнал с историческим и литературным отделом, имела в виду оживить самый журнал во-первых, и сосредоточить вокруг себя казачьи литературные силы, во-вторых. В настоящей краткой заметке я постараюсь беспристрастно разобраться в литературной части „Родимого Края".

С возникновением литературного отдела и некоторым, чисто внешним, упорядочением, журнал, действительно, стал лучше выглядеть и разнообразнее по содержанию. Но главное, собирание и сплочение вокруг себя кадра казачьих литераторов, определенно не удалось.

Достаточно прочитать весь литературный материал всех 13 номеров, чтобы убедиться в этом. Из тридцати с лишним имен, только двое появились по третьему разу, при чем один из них постоянный сотрудник „Вольного Казачества", и шесть по второму разу (один из них тоже постоянный сотрудник „В. К."). По моему, это свидетельствует или о том, что имена эти по отношению к литературе носят слишком случайный, эпизодический характер, и тогда нет в литературном отделе „Р. К." литераторов, или о том, что они, литераторы, не находя в идее и направлении журнала захватывающих их моментов, подвержены текучести, не связаны крепко с журналом.

Кроме этого, в „Родимом Крае" явно наблюдается еще одно явление: в журнале ясно уловима разноголосица не только между политической и литературной его частями, но даже в самом литературном отделе.

Ведь ни для кого не новость, что все части всякого, имеющего ясное и определенно выявленное идейное лицо, печатного органа должны быть одного и того же направления; все сотрудники его, об'единенные общностью стремлений, каждый по своему, так сказать, каждый на своей дудке, должны дуть в одну, они бывают одержимы одним пафосом, дающим направление их творчеству. В „Родимом Крае" как раз этого и нет.

Редактор Н. М. Мельников, в передовице первого номера, дает руководящее напутствие направлению журнала, где говорит: „Заострения политических вопросов будем избегать. „Р. К.", как орган общественной казачьей организации — Казачьего Союза, будет идти к той же цели, которую поставил себе Казачий Союз: к об'единению казачьих масс на том основном, что должно быть дорого каждому казаку. Казачий быт и история, казачьи права и вольности,*) в связи с обязанностями к России". Направление, как видно, из типа: „нашим и вашим", — чтобы и вольность сохранить и об обязанности к России не забыть. Но не то поют литераторы „Родимого Края", здесь есть два течения и очень даже определенные.

В одном из номеров Владыкин истерически вопит: „Я ей пойду служить — России!.. Горжусь!" и т. д., а рядом П. Крюков: „Пробудят от сна их Баяны-певцы, напомнят Казацкую**) Волю". Там Кручинин слезливо: „Русь ты моя, Русь сермяжная... родимая... несчастная! Кто пожалеет тебя, кто приласкает тебя, моя бедная!", а здесь Губарев: „Но веря в грозный час, я шлю моленья Богу, и знаю — Дон взметнет волну из берегов, и смоет цепи все и новую дорогу проложит для измученных сынов". То Никишин шлет стихотворение:

„Не брани казака — говорит Каледин казаку Ермаку Атаману,
Все давно восстали за Дон, как один, и уж смыли позорную рану.
О, прости ему все, дед могучий Ермак, все они, казаки искупили...
Посмотри вон, на север: там бьется казак! Мы давно уж все простили ему.
И на север взглянул удивленный отец — слезы хлынули бурно ручьями,
И, крестясь, прошептал он: „Прощаю Донец", чист душою ты теперь перед нами".

То Томаревский:

„Эту веру в Россию живую, в ее новые лучшие дни,
Эту веру, как тайну святую, в своем сердце хранят казаки".

То Климов:

„Я хотел бы обнять дорогую мне мать,
И сказать ей „прости". Знать такая
Судьба мне дана, должен был воевать,
Волю, честь казаков защищая".

*) Разбивка моя. С. Б.
**) Разбивка автора. С. Б.

В такой разноголосице не мудрено, что попадают туда и наши вольные казаки и твердят вроде: „Бог простит... Казак Дону не изменщик". На желание редактора не затрагивать политических вопросов В. Крюков, устами рядового казака, отвечает, что, мол, от политики нам не уйти, уж слишком большой дозой она вошла нам в 17 году, что без политики нельзя, иначе все на свете прозеваешь. Видимо „права и вольности казачьи" плохо уживаются в казачьих сердцах с одновременными „обязанностями к России" и сотрудники журнала пошли каждый „своими путями". Редактор журнала или не может дать журналу направляющего тона, не справляется с своей обязанностью дирижера журнального хора, или, не располагая достаточным запасом, не имеет возможности делать выбор литературного материала и печатает, что попадается.

Все сказанное относится к идейному направлению литературной части „Родимого Края", к мотивам литературных перепевов, что касается действительной литературности материалов этого отдела, то положение еще больше заставляет желать лучшего. Если выделить вещи двух вольных казаков (Кундрюцкова и П. Крюкова) — и своеобразные, всегда метко схваченные рассказики из казачьей жизни В. Крюкова, то все остальные имена очень мало причастны к литературе, за редкими очень исключениями. Большая часть вещей литературного отдела „Родимого Края" состоит из слабых подражаний, порой даже пускающихся на перефразировку. Например, кто не угадает, кем и чем пахнут такие творения: „Хорош Дон при тихой погоде, когда мягко и плавно несет он воды" и т. д. Или:

„Пирует Царь Петр и дружина его
На берегу Дона седого,
И старое бочками льется вино,
По случаю взятия Азова."

Пожалуй, забавными могут считаться помещаемые в литературном отделе предания о происхождении прозвищ казачьих станиц, это не только забавно, но порой и интересно, но если в этой области тоже начинают пересаливать то это уже хуже. Например, калмыцкие станицы никаких прозвищ не имеют, наверно потому, что они более позднего происхождения, а „Родимый Край" допускает такую оплошность, как печатание, кем-то вымышленных анекдотов про калмыков, как прозвища станиц. Это неправда.

Между прочим в одном из номеров „Р. К." есть характерный рассказ-быль из далекого прошлого Казачества: — Верный слуга матушки царицы и России Атаман Ефремов, по ложному доносу, без суда и следствия насильно увозится в Петербург и там сажается в тюрьму на цепь. А когда выяснилась полная безгрешность Ефремова, Екатерина пожелала наградить Атамана. Атаман от подарка отказался и взамен попросил у нея на память ту самую цепь, которой он был привязан, чтобы помнить, как награждает Россия своих верных слуг. Это не литературное творчество, а просто передача семейной хроники (рассказ пишет Ив. Ефремов, видимо один из потомков того Атамана). Но тут ясно вырисовывается олицетворение России и Казачества.

Давно известно, что литература — душа народа, потому что она всегда отражает в себе его судьбу, его мысли и чаяния, все то, чем живет, что несет в своей душе в данный момент данный народ. Чуткая душа поэта живо и остро переживает горе или радость своего народа и спешит выявить свое переживание в своем творчестве. Говорят, что подлинная литература вне данной обстановки, вне связи с окружающей действительностью, но, несмотря на такое определение, главная масса литературных произведений всегда отражает перипетии в судьбе народа своего времени и именно эта часть литературы бывает наиболее популярна в народе.

Несоответствие душевному настроению казачьих литераторов идеи и стремления журнала „Родимый Край", по моему, и есть причина слабости литературного отдела этого журнала. Слишком половинчатая и неопределенная задача его является причиной, что вокруг него нет сплоченного ядра казачьих литераторов.

С. Балыков.

Казачья эмиграция.

Праздник Христова Воскресения у Вольных Казаков в Праге.

По примеру прошлых лет, редакция „Вольного Казачества" устроила и в этом году для ближайших своих сотрудников, живущих в Праге, совместное разговение. Много живых воспоминаний навевала эта ночь, когда, в ожидании ушедших ко всенощной, оставшаяся часть, приготовив все для Пасхального стола, терпеливо дожидалась конца службы...

Комната редакции с трудом вмещала друзей, когда с возвращением молившихся приступили к традиционному разговению. Редактор журнала И. А. Билый первый поднял бокал и произнес: „Христос Воскрес, воскреснет и Казачество". „Воистину"... — был дружный ответ всех гостей...

Много раз, в различных обществах и в разных условиях приходилось встречать этот лучший из христианских праздников, но в такой теплой, дружной, непринужденной обстановке редко приходилось; чувствовалось, что наконец у казака есть своя семья, в которой чувствуешь себя, как дома, как равный член его семьи...

Уютная и скромная обстановка, хорошо спаянная компания, непринужденное оживление, дружная, товарищеская беседа на всех концах стола — были характерными чертами этой, Вольно-Казачьей общей встречи праздника.

Праздник в общем настолько хорошо удался, что гости незаметно просидели до утра и разошлись по домам только тогда, когда запылала заря на востоке.

Хорошо было бы, чтобы и всюду, где есть наши Вольные казаки так бы собирались в таких случаях и проводили праздники. Такие моменты больше всего сближают и спаивают общество, а нам, вольным казакам, необходимо быть дружными и сплоченными, ибо слишком ответственна взятая нами на себя задача.

Ш. Н.

„История Казачества".

Вышла из печати и поступила в продажу книга Ис. Ф. Быкадорова „История Казачества" кн. I.

Каждый казак, который интересуется прошлым казачества и его происхождением, приобретет эту книгу. Обращаться в редакцию „В. К.".

Цена книги: в Ч. С. Р. — 20 к. ч., во Франции — 20 фр., в Югославии — 35 динар, в Болгарии — 50 лева.

Подебрадская Кубанская колония.

(Чехословакия.)

Подебрады представляют из себя небольшой, очень чистенький чешский курорт, который лежит на реке Labe, на железной дороге в 50 км. от Праги. Подебрады очень старый чешский городок, имеющий в данное время около 7.000 жителей. Название города Подебрады происходит от слова „под бродем", потому что возле старого подебрадского замка, который стоит и по настоящее время, был брод-переправа через р. Labe; возле этого броду, или „под бродем", чешский король Юрий из Подебрад вокруг своего замка построил город Подебрады.

Последние 30 лет Подебрады известны по всей Чехии благодаря своей минеральной воде, как небольшой чешский курорт, где лечатся углекислой минеральной водой от болезни сердца. В данное время в Поде-

брадах имеется оборудованный по самому последнему слову техники Lečebny Ustav, в котором под руководством проф. Либенского лечат больных сердечными болезнями. К услугам больных в Подебрадах имеется много комфортабельных гостинниц, пансионов и очень уютных, летом утопающих в зелени, вилл. Летом, во время сезона в Подебрадах очень оживленно и весело; в курортном парке два раза в день играет симфонический военный оркестр, имеется небольшой театр, кинематограф, бар, данцинг и пр. С осени, когда на курорте кончается сезон и публика раз'езжается, до весны жизнь в Подебрадах замирает.

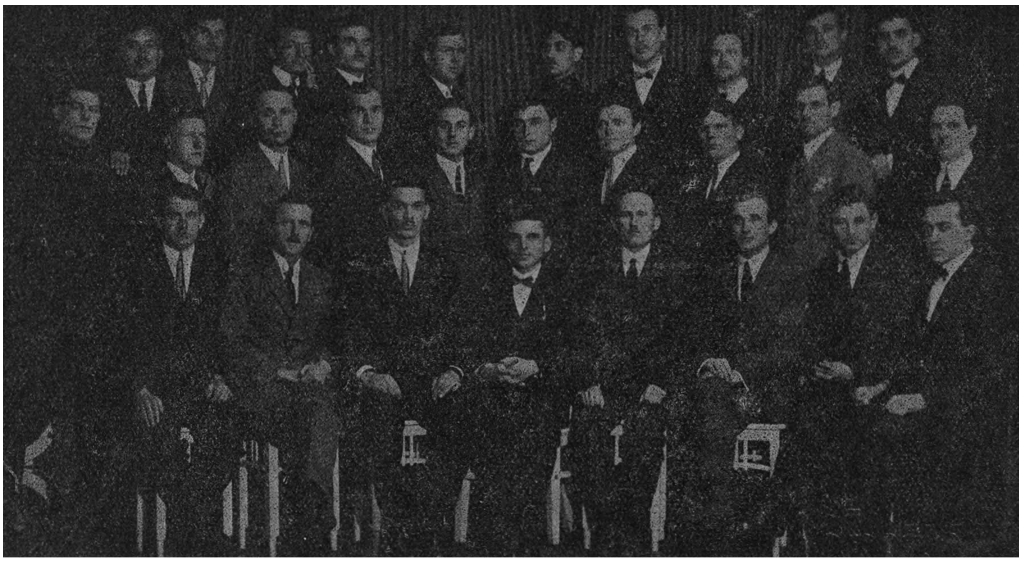
В 1922 году чехословацким правительством был открыт в Подебрадах украинский политехникум — „Украинська Господарська Академія", которая благополучно существует и до настоящего времени.

Украинская Академия имеет своею целью дать за границей высшее техническое образование украинской эмигрантской молодежи со всех украинских земель, приспосабливая программу к родным условиям.

Украинская Академия состоит из трех факультетов: гидротехнически-меллиоративного, агрономически-лесового и экономического. Каждый факультет делится по специальности на отделения. Курс обучения в академии четырехлетний, что дополняется еще годом подготовки к защите дипломного проекта или дипломной работы. Оканчивающий эту школу получает звание дипломированного инженера по соответствующей специальности.

Подробно останавливаюсь на этой школе, потому что определенная часть кубанской интеллигенции, находящейся в эмиграции приняла активное участие в создании этой первой высокой украинской технической школы; и кроме того академия, принявши в свои стены до 50 человек студентов-кубанцев, явилась стимулом для создания в Подебрадах кубанского культурного центра, Подебрадской Кубанской колонии.

Для создания академии много трудов и энергии приложил известный кубанский историк проф. Ф. А. Щербина. Последний, когда академия уже была открыта, будучи председателем Общества Кубанцев в Чехословакии, совместно с заместителем председателя этого Общества П. Л. Макаренко, много приложили усилий для того, чтобы выписать из-заграницы и определить в высшие учебные заведения как можно более кубанской молодежи, которая в тяжелых условиях физическим трудом зарабатывала себе кусок хлеба в различных государствах Европы, главным образом в Болгарии

Кубанцы — студенты Украинской Академии в Подебрадах.

и Югославии. Первые кубанские пионеры появились в Подебрадах летом 1922 года, когда открылась запись студентов в Украинскую Академию.

Эта первая группа студентов-кубанцев почти что вся состояла из б. кубанских офицеров, некоторые из которых, имея довольно солидные лета решили продолжать заграницей свое образование, прерванное благодаря Великой Европейской и Гражданской войне. Многих интересует, чем руководились кубанские деятели, устраивая кубанцев для продолжения своего образования в Украинскую Академию? Старое русское правительство много приложило усилий для руссификации подвластных России народов, это проводилось в полной мере и в отношении казаков. Одной из главных причин того, что мы казаки проиграли войну с Советской Россией за свою независимость, была неправильная политика руководящих казачьих верхов, которые считая, что нужно воевать только против советской власти, а не против Советской России, больше прислушивались к перезвону московских колоколов, а не к стремлениям и идеалам родного им Казачества.

Русская реакционная эмиграция, находившаяся в это время на Казачьих Землях, — учитывая это все твердо вела свою реставрационную политику, что и явилось причиной крушения белого движения на Юго-Востоке России, а в том числе и на Казачьих Землях. Если Латвия, Эстония, Финляндия, Литва и Польша отстояли перед русской красной армией свою независимость, то мы казаки проиграли войну, а тем потеряли и независимость Казачьих Земель, главным образом потому, что в войне с Советской Россией у нас казаков не было руководящей цели бороться за независимость Юго-Восточного Союза Дона, Кубани, Терека и горцев Северного Кавказа; определенная часть нашей интеллигенции и нашей казачьей старшины считала такие идеологии „изменой России и Казачеству", а теперь выходит что не России, а Казачеству изменили, потому Россия, хотя и советская, существует, а Казечество, как таковое, в советской федерации юридически уничтожено; самое слово „казак" вычеркнуто из советского словаря, а часть народа казачьего, более счастливая часть казачества, находится в невольном изгнании — в эмиграции. Мы верим, что никакая власть путем террора, насилия и обмана долго не удержится, и потому свято верим в светлое будущее своего Края. Для того, чтобы в будущем не повторять печальных ошибок прошлого, для того чтобы подготовить в эмиграции из своей учащейся молодежи определенный кадр кубанской интеллигенции, которая, получивши заграницей в своей высокой школе специальное и национальное образование, нашедши, так сказать, в эмиграции свою „метрику", — возвратившись на Кубань, работала бы только для благополучия родного края, а не прислуживалась бы Москве, как это еще до настоящего времени и там

дома и здесь за границей делают некоторые „русские кубанские деятели".

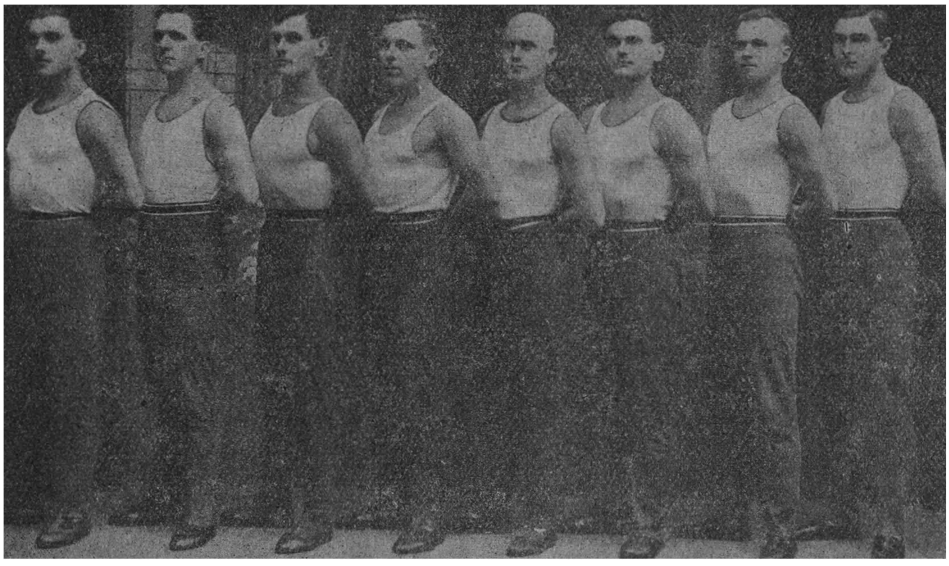
Первая группа кубанцев в Украинской Академии не совсем была удачна в смысле подбора людей, потому что некоторые кубанцы, которым не было места в Укр. Академии и которые попали туда совершенно случайно, через некоторое время перевелись из Академии в Пражский Политехникум, записались в Праге в русские студенческие организации, где потом жаловались, что их в Подебрадах хотели насильно украинизировать и т. д. В семье не без урода, так было и в Подебрадской Кубанской колонии, а посему мы это своеобразное сменовеховство не принимали близко к сердцу, искренне веря в то, что наша Кубанская колония должна быть сильна не количеством, а качеством, своей идеологией и желанием служить только родному краю и больше никому.

На протяжении 1922—1923 академического года в Подебрадах уже имелась небольшая Кубанская колония, которая состояла из куб. профессоров, лекторов и ассистентов академии и 11 человек кубанцев студентов академии.

В декабре м-це 1922 года в Подебрадах было основано „Кубанське Земляцтво студентів Укр. Госп. Академии"...

В это время почти что никто из кубанцев поступивших в академию не знал прилично литературного украинского языка, а посему статут землячества был написан по-русски; так же и делопроизводство землячества первое время велось на русском языке, что довольно продолжительное время, пока нас кубанцев хорошо не узнали остальные студенты, удивляло и раздражало наших коллег — украинцев. Последние нас долго считали врангелевцами, а иногда и больше того, — чуть ли не русскими монархистами, хотя мы для этого не давали абсолютно никакого повода. При этом необходимо заметить, что и среди самого укр. студенчества в академии была очень большая партийность, при чем правая гетманская и левая социалистическая группировки были между собой в довольно неприязненных отношениях, что не мешало однако иметь единую академическую организацию „Академичну громаду", в правлении которой были представлены все эти группировки.

Осенью 1923 года Кубанская колония пополнилась новой группой, приехавшей, главным образом, из Болгарии, — это были б. юнкера питомцы Кубанского военного училища; таким образом кубанское землячество имевшее 11 членов увеличелось почти что в три раза (около 30 чел.).

Кубанцы — сокола в Подебрадах.

Долгое время кубанцы в академии, кроме своего землячества, не входили ни в какие иные студенческие организации. Спустя некоторое время, освоившись и ориентировавшись в окружающей обстановке, дабы не вносить диссонанса в студенческую жизнь академии и иметь возможность активно работать в различных культурных студенческих организациях, они по постановлению общего собрания земляче́ства вошли сперва в „Академичну громаду" и студенческий кооператив-столовую „Україна", а спустя некоторое время и в другие студенческие организации, которые к этому времени „наросли" как грибы после дождя. Для того чтобы иметь в органах этих организаций своих представителей, кубанцы входили в „блок" с иными студ. группировками и таким образом организованно достигли своей цели. Работая во всех этих организациях, кубанцы не только не были там в числе последних, — наоборот, в некоторых играли руководящую, или главную роль. Так напр., в Укр. студ. футбольной команде лучшим игроком и капитаном команды был наш „кубанский Валентино" Ал. Гончаров; студенч. церковным хором, в котором почти половина певчих были кубанцы, управлял наш земляк Ф. Ерж. Хорошие силы дали кубанцы в Академический хор, где заметно выделялся из общей массы хора густой бас-октава нашего „сынка" Ник. Богатырева, бравшего особенно низкие ноты после очередных земляцких (вечеринок). Кубанец М. Телига был виртуозом бандуристом вне всякой конкуренции не только в Подебрадах, но и в целой Чехословацкой республике. В 1924 году кубанцы вместе с укр. аграрниками — „Хліборобами" организовали студ. кооперат. столовую „Наша Хата", где часть должностей в правлении и ревизионной комиссии заняли кубанцы; в этой столовой, при материальной помощи нам Общества Кубанцев в Чехословакии, мы имели свою кубанскую комнату, в которой на видном месте висел наш кубанский зелено-малиново-синий флаг и портрет проф. Ф. А. Щербины. В этой комнате мы имели свою столовую, читальню, где получались кубанские, эмигрантские и чешские газеты и журналы, и библиотеку; здесь же мы устраивали собрания и свои кубанские вечеринки. Чем особенно мы можем похвастаться, так это своими спортсменами, особенно — соколами.

По приезде в Подебрады довольно порядочная группа укр. студентов, а в том числе и кубанцев, записалась в местный подебрадский „сокол", где за очень короткий промежуток времени кубанские сокола стали известны, как лучшие сокола, не только в Подебрадах, но в целом Подебра́дском округе; при различных сокольских состязаниях наши кубанцы были в числе первых, — здесь сказалась та солидная гимнастическая подготовка, какую им дало Кубанское Военное Училище.

При упражнениях в соколе и при публичных спортивных состязаниях наши сокола-джигиты приводили в восторг окружающую публику, не только своим гимнастическим совершенством, но зачастую при исполнении некоторых особенно рискованных головоломных номерах, и той казачьей лихостью, неустрашимостью, и соперничеством один перед другим, которые всегда выделяли их из среды остальных соколов. Осенью 1926 г. оставил наши ряды, преждевременно сошедши в могилу от сахарной болезни наилучший здесь кубанский сокол Максим Кравчина. В области „хореографии" большую известность в Подебрадах и за пределами их приобрел наш экзотически-темпераментный „Крамарь" — Дм. Крамаренко, который с одинаковым успехом танцует и в балете, и на блестящих балах, вечерах, и студенческих вечеринках, и после самого модного фокстрота или танго может мастерски сплясать укр. гопачка, или нашу кавказскую наурскую. С 1924-го по 1926 год к нам прибыло более 30 человек нового кубанского „пополнения" из Югославии, Болгарии и Польши. Наибольше приехало из Болгарии по окончании там Русского с.-хоз. училища. Эта была вторая по количеству, после Куб. Военного Училища, группа, которая почти вся, кроме одного поступившего на гидротехническое отделение, — записалась на агрономическое отделение академии.

С 1922-го и по 1926-ой год, пока Министерство Загр. Чехословацкой Республики еще давало стипендии для продолжения образования эмигрантской учащейся молодежи с территории б. Российской империи, — заботами Общества Кубанцев в Чехословакии было выписано из-заграницы и определено в академию 55 человек кубанцев, 5 человек было определено иными организациями. Из этих 60-ти кубанских кандидатов 7 человек на протяжении первого академического года частью перевелись в частные учебныя заведения, частью не приехали из-заграницы в Чехословакию. Из остальных 53 кубанцев-студентов в Украинской Академии, в 1924-м году умер в Праге от туберкулеза Бреславец Александр, согласно завещанию сожженный в Пражском крематориуме. В 1926 году умер от сахарной болезни в Нимбургской больнице и похоронен в Подебрадах на местном кладбище другой студент-кубанец Максим Кравчина. По случаю тяжелой болезни суставного ревматизма выбыл из Академии и перевезен в инвалидный дом на Шипке в Болгарии Лисевицкий Сергей. За малоуспешность выбыл 1 кубанец. В Северную-Америку в 1925 году выехал и в данное время уже там окончил Духовную Академию Мих. Фесенко. Прослушавши первый курс, перевелись в Прагу — 2, в Брно — 1, итого — 3 кубанца. Всего по разным причинам выбыло из Украинской Академии 7 студентов-кубанцев. Из оставшихся в Академии 47-ми студентов-кубанцев с 1927 по 1929-й год уже окончили академию 31 кубанский инженер различной специализации. Кубанские инженеры, окончившие Украинскую Академию по своей специальности делятся следующим образом:

Инженеры-агрономы: 1. Н. К. Богатырев. 2. А. В. Гончаров. 3. Г. Е Капустьян. 4. П. М. Непокупный. 5. В. В. Омельченко. 6. С. Ф. Семак. 7. М. С. Черныш. 8. П. А. Штепа.

Иженеры-гидротехники: 1. А. Барылко. 2. Ф. Бигдай. 3. М. Л. Вовкодав. 4. М. В. Костенко. 5. К. Г. Майгур. 6. П. А. Ткаченко. 7. Н. А. Федоров. 8. П. Т. Ярмоленко. 9. Инж.-меллиоратор М. И. Кириченко.

Лесные инженеры: 1. М. Бурьянов. 2. Т. К. Ерж. 3. В. Прохода. 4. М. Я. Телига. 5. И. Н. Шкеда.

Инженеры-экономисты: 1. Г. Ю. Бекух. 2. В. А. Донецкий. 3. С. Л. Камышан. 4. С. Т. Паньця. 5. И. Г. Рядинина. 6. С. А. Федоров. 7. Б. В. Фесенко. 8. Г. И. Черный. 9. Н. М. Штанько.

16 человек кубанцев еще продолжают в Академии свое образование и дадут через 2 года, последовательно один за другим, два последних выпуска кубанских инженеров из Украинской Академии. Z.

Как некоторые терцы разрешают национальный вопрос на Кавказе.

Недавно мне пришлось присутствовать на докладе казака — терца Б. Докладчик сделал поверхностную экскурсию в область бытовых и религиозных особенностей народов Кавказа, преимущественно мусульман и, констатируя факт неприязненного отношения этих народов к русским, как причину, вызывавшую такое отношение, указал на слишком активное вмешательство русской власти в национальную жизнь народов, на неприменное желание русской администрации заставить жить эти народы по русским законам, при наличии у мусульман своих крепких законов; отсюда он сделал вывод, что для того, чтобы успокоить и закрепить эти народы под властью России, необходимо более внимательно отнестись к быту и обычаям мусульман, дать больше простора и свободы во внутренней их жизни, ибо репрессии и жестокости, как национальная обида, видимо, не легко ими забываются.

В прениях по докладу участвовали: осетин Ч., терцы-казаки З. и Е. Первый из оппонентов сделал докладчику ряд существенных поправок в обрисовке быта Кавказских народов и сказал, что обострения отношений горцев к русским вызывались причинами национальными, социальными и просто необходимостью защиты своих очагов. При чем г. Ч., евразиец, сказал, что признает необходимость единства государственного организма, но советовал русским при сношении с кавказцами осторожность и внимательность.

Терец З. также указал на схематичность доклада, даже в отношении бытовых штрихов, и, в качестве средства успокоения Кавказа, указал на необходимость больше дать свободы, шире открыть двери культуры. „Если бы нам, казакам, дали возможность свободно жить и самим сноситься с горцами, у нас с последними не было бы никаких недоразумений, ибо мы знаем, как к ним подойти, но вмешательство из центра, приводило к обострению взаимоотношений".

Зато восхитителен был в своей циничной откровенности третий оппонент, терец Е. По словам его, на Кавказе есть такие народы, на которых никакая культура не влияет, к которым чем лучше относишься тем хуже, и что для сохранения спокойствия на Кавказе „не хватало железной руки". „При Александре III, — сказал он, — можно было сотни верст ехать по горным дорогам, не подвергаясь нападениям, а при Николае II нападения все больше и больше учащались. Русские слишком гуманно и мягко обращались со своими инородцами, на что даже указывают англичане".

Все эти казаки, тщетно искавшие способа успокоения народов Кавказа в лоне единой России, не сказали ничего нового. Казалось бы, чего проще успокоить народы Кавказа! Признай, что хозяевами Кавказа являются сами кавказцы и тебе не нужно будет потеть и заботиться об отыскании средств успокоения. А то покорили самостоятельно жившие народы, разорили их, пролили потоки крови и теперь хотят, чтобы они успокоились. Они не хотят понять, что собака-то зарыта не в том, что народы эти некультурны, что они хищники и т. д., а в том, что русские не хотят перестать рассматривать Кавказ, как „жемчужину России". При таком определении Кавказа, конечно, попытка наивных казаков разрешить национальные вопросы на Кавказе смешна и жалка. Господин Е. по крайней мере честнее подошел к делу. Чего мол, там, козлоумствовать, держи в железных руках и не пушшай! Россия имеет в его лице ценного пристава в будущем.

Ш. Н.

Еще о последнем Жаровском концерте в Праге.

Прочитавши в № 54 „В. К." заметку С. Балыкова о казачьем концерте, захотелось и мне поделиться с читателями „В. К." своими впечатлениями. Я тоже не претендую на звание музыкального критика, а хочу лишь осветить больше некоторые моменты этого концерта и пояснить кое-что в краткой заметке С. Б.

Не одну сотню километров сделал я по ж. д. из провинции ЧСР для того, чтобы послушать хор, славящий по всему миру казачье имя. Знал, что их репертуар казачьих песен обогащен русским церковным песнопением и русской песней; однако, ехал к ним

главным образом затем, чтобы услышать „напев протяжный песен старины, тоску и удаль, красоту разгула и грусть безбрежную“, что „щемит сердце сладкой болью печали невыразимо близкой и родной“ Ф. Крюкову и нам, всем казакам. Нет, не услышал я этого. Спеть-то спели несколько и казачьих песен (главным образом на бис), но лишь песни оттеняющие моменты удали и разгула, да при том еще так утрированных, что перейдены были „все указы твердой ногой“, т. е. казачья песня была искажена в погоне за оригинальностью („азиатской“ песни для европейского уха).

Например: — „Из за лесу, лесу...“ — Я знаю наизусть эту песню уже около 30 лет, певал и сам ее сотни раз, но (за слишком большим „экспрессиональным“ речитативом) следить за произнашением слов не смог. На Дону ее так не пели, так не украшали чревовещанием — не лаяли. Впрочем, здесь необходимо пояснение, а именно — читатель, ты ошибешься, если попробуешь себе представить исполнение этой песни под аккомпанимент, так называемого чешского „hafána“, т. е. если подумаешь, что один из хористов „гам-гам“ делает, нет, это было иначе: в момент, где разгул в песне достигает своего апогея, вместе с лихим свистом врывалось резким диссонансом в стройное аккордистое пение собачье „ах-ах!“

Ты поймешь меня, читатель, если слышал в жизни хоть раз, как гончая, расшифровывая еще вчерашний след зайца, где он запутал его своими петлями перед тем, как лечь, внезапно натыкалась на него, поднимала и гнала уже по зрячему; вот тут-то она со своего недоуменного „гаф-гаф!“ срывалась на страстное, высокое на одной ноте „ах-ах!“.

Этим-то „дессертом“ и угощал культурный свет Жаров от казачьего имени. Бесспорно оригинально — Европа таких причуд в пении не знает, удивить ее есть чем, но некрасиво и ненужно; ибо хор так сказочно богат голосами, так дивно спет, что в извращениях не нуждается для того, чтобы заставлять публику ходить слушать его.

Использовал Жаров скитание Донского Казачьего хора по белому свету и собрал в него голоса из рассеянной эмиграции, не задумываясь над вопросом происхождения — казак ли? — дельный хорист голоса искал. Привело это к тому, что лишь в Праге, после принятия донца Тетеревятникова, казаки превышают по численности не казаков одним голосом.

Давно уже хор стал профессиональным, как только ушел из лагеря и отказался от французского пайка, но теперь он превратился в коммерческое предприятие, со свойственной ему наукой „обхождения с покупателем“. Я вот о чем хочу сказать: богатый, знатный покупатель — и привет, почет ему; с пяточком покупатель — знай сверчок свой шесток! Эту тактику хорошо усвоил хор и Прагу угощал, как угощают бедных и дальних родственников: как нибудь и чем нашлось. В программу включили „Стеньку Разина“ и „Эй ухнем“, так прожужавшего всем уши грамафонами и шарманками; на бис пели скупо, по куплетику; плясовой с танцами не было; заставляли публику не только долго аплодировать, стучать ногами, но и прибегать к голосовым средствам — кричать. После многоминутного неистовства наконец появились, четко маршируя, хористы сразу из двух дверей по одному, смыкались, строили две шеренги, а потом, после того, как и публика успокаивалась, появлялся Жаров — спели 1-2 куплета и вновь, тем же порядком, хор скрывался со сцены. Повторялась длинная процедура вызова и т. д. Так спели в придачу к программе 4 песни, остро давая чувствовать публике свое „одолжение“.

В 1928 году в Париже, хор был несказанно предупредительнее к слушателям. Впрочем как и не закружиться голове, когда впереди Америка, а позади Австралия и такие Европейские центры, как Рим, Вена, Берлин, Париж, Лондон; когда Гинденбург жал руку славным отпрыскам достойных противников в Великой войне; когда Английский король у себя в гостях принимал и дал такую аттестацию: „Я думал, что мой хор лучший в мире (у англичан ведь все должно быть самое лучшее) и оказывается хор Великобритании, преклоняясь перед вашим искусством, должен освещать факелами ваш путь к славе“.

В заключение скажу — хор все же, нося казачье имя, поет казачью славу, ширит по миру весть о казаках. Делает это не так, как бы мог (ох, как бы мог!), но... чехи говорят: „Малая рыба, тоже — рыба“.

М. Галин.

В Обреноваце.

Правление Обреновацкого казачьего хутора письмом в редакцию (апрель, №. 70) просит напечатать, что помещенная в №. 43-44 „В. К.“ корреспонденция из Обреноваца неправильно передает характер деятельности в Обр. каз. хуторе некоторых лиц. Так, на самом деле, сотн. Сова (б. хут. атаман) не имеет уж таких больших заслуг в деле организации хутора, как об этом говорится в упомянутой корреспонденции. Намеренно, очевидно, представлено в неправильном свете и поведение писаря хутора г. Перикова.

В действительности, в деле организации казачьего хутора в Обреноваце заслуги принадлежат и теперешнему атаману его вахм. Бурло, а писарь, г. Периков, оправдал возложенное на него доверие и недавно переизбран хутором на должность писаря снова.

В Казачьих Землях.

Донской Войсковой Собор в Новочеркасске.

Разгром и гибель единоличных хозяйств.

Не везде достигнут перелом в развитии сева единоличников. На Кубани колхозами засеяно 370 тысяч гектаров, а единоличниками только шесть тысяч („Правда“, 4 апреля). Ежедневно из ряда районов Донского, Кубанского, Армавирского и Терского округов поступают сообщения о том, что многие единоличные хозяева еще не приступили к севу. В Старо-Минском районе, Донского округа, который уже заканчивает сев, продолжается путаница при наделении землей. Единоличникам отводятся участки для посева там, где сеять зерновые культуры невозможно. Посевные задания до отдельных единоличных хозяйств не доведены, в результате единоличниками засеяно в этом районе лишь 145 гектаров, в то время как колхозами засеяно сорок пять тысяч гектаров. Многие совработники проявляют пренебрежение к единоличным бедняцко-середняцким хозяйствам. Типичным в этом отношении является следующее заявление секретаря Ефремовской партийной ячейки Птухина: „Нам некогда возиться с индивидуальными хояйствами; готовы ли они к севу, мы не знаем, никакого учета их мы не ведем“. Председатель Натальев-

ского совета не озаботился отводом земли единоличникам, также ссылаясь на занятость. Таких „занятых" совработничков десятки в каждом районе. По их вине создается угроза невыполнения плана единоличников („Правда", 31 марта).

В „Известиях" от 2-го апреля находим корреспонденцию Телешова с Кубани под названием: „Сев единоличникам не разрешен". Телешов пишет: „В ряде станиц Кубани никакой подготовки к севу единоличников не велось. В результате единоличники к севу не приступили, несмотря на благоприятные условия погоды. Отмечаются случаи массового отказа в наделении землей единоличников, которые сидят без дела с запасами зерна. Несмотря на то, что колхозы на охватывают всей посевной площади, станичные советы упорно отказывают в наделении землей единоличников. Окружные организации не принимают никаких мер к устранению случаев головотяпства, и на настойчивые просьбы ходоков от имени групп единоличников, обязующихся своим зерном засеять отведенную им землю, отвечают непонятным молчанием".

В „Известиях", 30 марта находим в телеграмме из Ростова такие сведения: „В некоторых местах весеннему севу мешают споры между колхозами и единоличниками при выделении последним земли. Иногда местные организации не учитывают интересов единоличных хозяйств. Но чаще всего споры возникают из-за самых несущественных поводов („почему земля выделяется здесь, а не там"). Недостаточно развит сев в единоличных хозяйствах.

В газете „Социалистическое Земледелие", 1 апреля, читаем: „В Донском округе и в ряде станиц Батайского, Новочеркасского районов единоличникам совсем не отведена площадь для посева, а в других местах если и отведена, то негодная. В некоторых местах с гордостью заявляют, что колхозники засеяли столько-то тысяч гектаров, а единоличники несколько гектаров. На Тереке, например, единоличники по последним данным засеяли всего 860 гектаров, или меньше одного процента падающего на долю индивидуального сектора.

В славянском районе Кубанского округа, вместо решительных исправлений перегибов их продолжают углублять. Небольшая группа колхозников под водительством заведующего районно-земельным отделом, организовала „Трудовой блок", который издал приказ, ничем не отличающийся от приказов времен гражданской войны. В приказе угрожают хлеборобам суровыми карами за невыезд в поле. Однако, эффект от такого приказа получился обратный — сев проходит не нарастающим, а угасающим темпом, было бы, однако, несправедливо винить только окружные и местные организации. Краевые организации тоже до сего времени не дали достаточных директив на места.

23 марта армавирский окружной исполком выносит такое мудрое решение: „Лиц, не приступивших к полевым работам в течение трех суток с момента опубликования настоящего постановления на местах без уважительных на это причин, — лишить права на землепользование. В отношении живого и мертвого инвентаря указанных лиц — немедленно пред'явить к иску в надлежащий суд об отчуждении его"...

Весенний сев — колхозный сев.

„Эк. Ж.", 15 марта, пишет, что на Дону большинство колхозов провело пробный выезд в поле показавший, что колхозы, даже и обеспеченные зерном, к севу не готовы. Колхозники не разбиты на определенные группы по специальности. Многие не знают, что им делать. Получается беготня и суетня. До сих пор не распределены земельные участки под определенные культуры.

Из Новороссийска сообщают московской „Правде", 15 марта, о начале массового сева, который был встречен колхозами без производственных планов и без умения организовать труд.

В „Правде", 21 марта, в телеграмме из Ростова читаем о том, что в целом ряде мест отмечается усиление „Кулацкой" агитации за выход из колхозов и из'ятие обобществленного скота и инвентаря.

Начали работать машинно-тракторные станции, при чем на первых же порах в некоторых районах (Александровский, Аполлоновский и др.) администрация проявила исключительную халатность. На работу выходят 70—75% тракторов и к тому же поздно — после полудня. Доставка горючего материала не налажена. Дисциплина среди трактористов слабая.

В „Правде", 22 марта, находим телеграмму из ст. Темижбекской о том, что питание колхозников на полях не налажено. Малороссийская машинно-тракторная станция не дает на поля горячей пищи. Нет чайников, даже дров, нет горячей воды. Отсутствие пищи понижает дисциплину на полевых работах.

Бегство из колхозов.

„Правде", 10 марта, сообщают из станицы Ново-Анненской, Хоперского округа, что за последние дни наблюдаетея в районе подача заявлений о выходе из колхозов.

„Известия", 21 марта, печатают телеграмму из ст. Кавказской о том, что положение в Кропоткинском районе, в результате „допущенных перегибов в коллективизации" такое, что посевная кампания в ряде станиц находится под угрозой срыва. В Темижбекской, Кавказской и других станицах за последние два дня усилился выход хлеборобов из колхозов. Группы бедноты бездействуют, ими никто не руководит. Власти бездействуют, не желая исправлять допущенные ими ошибки. В то же время в Ново-Михайловском, в двух колхозах „Червона Україна" и „Путь Ленина", организованных при строгом соблюдении добровольного вступления хлеборобов в колхоз, блестяще справляются с посевом. Подробности того, как проводилась коллективизация в Кропоткинском районе Армавирского округа, находим в корреспонденции „Известий" 20 марта. Оказывается, все шло, как по маслу: „За два месяца в колхозы об'единилось свыше 25.000 хозяйств. В марте процент коллективизации достиг 94.5 процента, — без пяти минут сто процентов. Но, оказывается, что коллективизация „насаждалась" в административном порядке. В Темижбекской, Кавказской, Лосевской и др. станицах многие хлеборобы даже не считают себя колхозниками. Оформление колхозов происходило только постановлением общих собраний. Каждый в отдельности о своем желании вступить в колхоз заявлений не подавал.

— Приехал полномоченный, — гововорят в станицах казаки, — сказал речь, что нужно обязательно в колхоз идти. Мы и проголоснули. Скотину на обчественный двор велел свести председатель (стансовета). А мы в колхоз не вступали.

Не успели еще в Кропоткинском районе укрепить колхоз, как уже завели пятидневку, и многие казаки заявляют об отказе от участия в колхозе, не желая рвать с религией.

Уже несколько дней как начались полевые работы и несмотря на это, далеко не все станицы начали работу.

„Обобществление скота" и что из этого следует.

Ревзина из бригады „Правды" пишет в „Правде", 17 марта: В колхозе „Красный Колос" (Георгиевский район, Сев. Кавказ) идет общее собрание — обсуждается вопрос о слиянии мелких колхозов комбината в единый крупный колхоз. Доводы докладчика звучат убедительно и настроение аудитории явственно складывается в пользу об'единения.

Но вот одна из женщин спрашивает, не означает ли переход к крупному колхозу сведение коров в общественное стойло. Докладчик отвечает, что коровы все равно по уставу обобществлены и что они будут сведены, как только представится возможность. И тут подымается буря. Женщины кричат все сразу, перебивая друг друга. В нестройном хоре взволнованных голосов можно разобрать:

— Так что же, это я за каждой кринкой молока в колхоз буду ходить?!

— Мы будем получать вместо молока сыворотку!

— Не говорите лучше про коров, а то поразбегутся все бабы из колхоза!

— Сделайте общий котел в колхозе, а тогда сводите коров!

Напрасно докладчик доказывает превосходства крупного молочного хозяйства, говорит о тоннах молока, которые будут развозиться ежедневно утром на грузовиках по станицам из единой фермы.

Колхозницы не видели такого хозяйства, не верят в его преимущества. Они в тревоге.

— Вот пошли в колхоз, теперь и молоко у детей отнимают.

— В колхозе одни будут пить молоко, а другие воду.

Разное.

„Слово имеет т. С. М. Буденный".

Под таким названием была помещена статья в №. 37 „Кооператной жизни" от 14-II-30. Прежде чем перейти к этой статье, позволим себе остановиться на нескольких весьма интересных случаях из недавнего прошлого б. вахмистра, красного маршала, члена революционного военного совета, т. С. М. Буденнного.

Командир красной конницы, будучи весьма и весьма малограмотным, по окончании „войны" решил пополнить свое образование: получить диплом гимназии. Трижды безуспешно пытался в Ростове н/Д сдать экзамены „за гимназию"... На неоднократных испытаниях красный „маршал" обнаружил такое невежество по всем учебным предметам, что даже запуганные большевиками педагоги (они знали кто экзаменуется) категорически отказались выдать диплом т. Буденному... Диплом был получен почти силой оружия, по телеграфному распоряжению из Московского Кремля...

Несколько лет тому назад С. Буденный, временно удалился от „государственных дел", и занялся у себя на хуторе, в Донской области, сельским хозяйством. Местные власти (г. о. пришлые коммунисты малознающие Край и людей) зорко следят за повышением материального благополучия у жителей Казачьих Земель.

С. Буденный довольно успешно хозяйничал, пока не приобрел для себя молотилку. Тут то и начался скандал. Местные заправилы, даже не потрудившись узнать кто такой С. М. Буденный, поспешили привлечь его, как кулака и... контр-революционера к „пролетарскому суду". Начался суд, и так как, дела о кулачестве проходят „штамповано", т. е. имена и фамилии обвиняемых прямо вписываются в готовый уже приговор, то только случайно на суде обнаружилось, кто такой „кулак и контр-революционер" С. М. Буденный. Не поддается описанию конфуз судей, м. правителей и московских главковерхов...

Сейчас в СССР снова на устах имя Буденного. На днях б. вахмистр Буденный был назначен... председателем Военно-Кооперативной комиссии революционного военного совета, для „подтягиванья" кооперации.

Остается ждать следующего сообщения: что на днях С. Буденный, как блестяще изучивший конские ноги и посадку, будет назначен в балет в качестве... балетмейстера.

Анна Павлова, берегись! восходит новое светило!

О. Б.

Родина и Герои.

30 с. марта из нашего города (бывшего до Великой войны столицей Трансильвании в Австро-Венгрии) были перевезены на Родину, взятые в плен венграми и умершие здесь, на чужбине, итальянские солдаты.

Перевезены были, собственно, не трупы солдат, а их недогнившие еще кости. Выгребли с большой бережливостью из земли эти кости и ссыпали их в маленькие (как для двухлетних детей), окрашенные в желтую краску гробики. Пять повозок местного кавалерийского полка были доверху нагружены такими гробиками. Поверх гробиков были возложены цветы и венки с итальянскими и румынскими национальными лентами.

Специально прибывшая делегация итальянских офицеров, во главе с генералом, сопутствовала этот „похоронный кортеж", вместе с румынскими военными частями, при военной оркестре, от кладбища до городского вокзала, а там, погрузив гробики в вагоны, увезла их в Италию — на Родину...

Этот благородный, признательный пример в румынской прессе и разговоре называется „перевозом Героев на Родину"...

На Родину... Родина... Какое милое, какое сладкое слово!..

Боже! Далеко ли еще то долгожданное время, когда и мы, обретя Нашу Родину, вспомним о Наших Героях, о их неменьших костях, расбросанных по всему белому свету?..

Хочу верить и верю, что с неменьшим почетом и признательностью благородное Казачество выгребет ему родные косточки из временных чужих могил и, уложив их в такие же вот детские гробики, свезет своих Героев в одно милое им место — Родину...

Герои умирают со словом „Родина" на устах... Родина это знает и не забывает. И должна знать. — Это ее священная обязанность...

Клуж — Румыния. **В. П. Елисеев.**

„Полковник Швец".

Вот уже второй месяц идет эта картина в одном из лучших био в Праге. „Полковник Швец" — чуть ли не первый большой фильм собственно-чешской продукции. Но картина эта замечательна не только этим. Она ярко характеризует всю трудность чешских легионов в Сибири, вовлеченных в борьбу между красными и белыми. Бои под Казанью, под Сызранью, Симбирском один за одним, с замечательной правдоподобностью, проходят перед глазами, наводя жуть на зрителя.

В картине очень правдоподобно и отношение к борьбе с красными, борьбе за судьбу своей погибающей родины, русского общества. В то время, как чешские легионы, обливаясь кровью удерживают очередной натиск красных, русское „высшее общество" города устраивает в тылу грандиозные скачки, даются балы, танцевальные вечера, льется шампанское, идет флирт, блестят мундиры и ордена.

Смотрел я на эту картину и невольно вспоминал, как и у нас, на Дону, в 1918—19 гг., казаки растянулись тоненькой ниточкой, изнемогая на фронте в неравной борьбе, а в Ростове русская аристократия и буржуазия особенно веселилась и швырялась деньгами, в ожидании когда это „казачки" возьмут Москву и всем им можно будет вернуться в свои имения, взять в руки свои заводы и банки.

На грустное, но полезное размышление будет наводить эта картина и русского человека. **Ш. Н.**

Список книг, журналов и газет, поступивших в редакцию за апрель месяц:

„Український хлібороб", посл. №. 272 (Parana, Brasilia).
„Січ", посл. №. 6. (Chicago).
„La Macédoine", посл. №. 136. (Genéve).
„Тризуб", посл. №. 223. (Paris — V).
„Вперед", посл. №. 7—8. (Užhorod).
„Розбудова націй", посл. №. 12. (Praha — Smichov).
„France-Orient", посл. №. 69. (Paris IX).
„Центральная Европа", посл. №. 4. (Praha XII).
„Родимый Край", посл. №. 13. (Paris).
„Кавказский Казак" посл. №. 3. (Белград, Неманьина, 26).
„Жіноча Доля", посл. №. 30. (Коломия).
„Гуртуймося", посл. №. від 30 січня. (Horni-Černošice)
„Табор", посл. №. 12. (Warszawa).
„Горцы Кавказа", посл. №. 12. (Paris, 6).
„Независимый Кавказ", посл. №. 2. (Paris).
„Slovánský přehled", (Praha).
„Prométhée", посл. №. 41. (Paris).

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева, в др. странах $^1/_2$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“.

Вышла и поступила в продажу книга

Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0·60 ам. долл.).

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.